

Л.К. Фионова

КОНЕЦ ГРЯЗНУХИ

Маленькая документальная повесть о большой науке

Посвящается жителям научного центра Черноголовка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Академгородок
2. Я – учёный!
3. Материя везущая
4. Грязнухина тайна
5. Тётя Броня из Одессы
6. Блестящая научная карьера
7. Как использовать академика?
8. По правилам Академии Наук
9. Государственная премия для папы
10. Страшнее кошки...
11. Академические выборы со смертельным исходом
12. Место чёрное, гиблое...
13. Увидеть Париж и не умереть
14. Сообщество страшнее бандитского
15. Мне наплевать на страну!
16. Элитная академическая медицина
17. Жидкость, принимающая форму сосуда
18. Водкоград
19. Если отцы лгут...
20. Жил в лесу, молился колесу
21. Комитет спасения
22. В тесной клетке
23. Нарушение трудовой дисциплины
24. Птицы

АКАДЕМГОРОДОК

– Следующая остановка деревня Грязнуха, Научный центр, – объявил водитель автобуса.

Так не вязалось это неприятное название с нарядным новеньким посёлком. И встретивший её заместитель директора института Красовский был тоже молод, красив и элегантен.

– Посёлок молодой, нам всего десять лет, – рассказывал он Ольге, – Прекрасное место для Академгородка, недалеко от Москвы.

Розовый кирпич жилых кварталов среди сосен, институты в лесу... На работу обитатели Академгородка ходили по лесной тропинке – они жили в раю.

На работу в новый научный центр в Грязнухе было очень трудно попасть. Ольге помог её шеф профессор Липсиц. То ли у старика случился приступ великодушия, то ли оценил он Ольгины успехи – её идеи обеспечили работой всю лабораторию шефа – но в день окончания её аспирантуры шеф сказал:

– Вы говорили, что хотите работать в Грязнухе. Я поговорю с Красовским. Он – мой бывший ученик, – и старик ей хитро подмигнул.

– Я возьму Вас в свой отдел, – сказал Красовский, – но согласно правилам нашего института кандидат наук может претендовать только на должность младшего научного сотрудника. Ольга торопливо согласилась.

Красовский повёл её знакомиться.

– Это Ваше рабочее место. – Большие светлые комнаты, сверкающие приборы, парни в белых халатах и белых нейлоновых перчатках... – Иначе нельзя, мы работаем с самым современным оборудованием, – Красовский коснулся пальцем таблички с маркой знаменитой французской фирмы. – А это – Ваши сотрудники – два инженера, механик и лаборант, таковы правила нашего института – каждому младшему научному сотруднику положено четверо помощников, как в Америке. Ещё Вы сможете пользоваться услугами механической, оптической и стеклодувной мастерской. Ваши заказы будут выполнять рентгеновская и электронномикроскопическая лаборатория. Ну и переводчики, если Вы захотите послать свою работу за рубеж.

Каждое Ольгино утро теперь начиналось одинаково – счастьем. Ей нравилось идти в институт через лес, вдыхая запах сосен. Нравилось подниматься по мраморным ступеням и читать на красивой табличке возле двери: «Академия Наук СССР». Ольга ощущала холодок гордости – она работала в самом лучшем месте, о котором только может мечтать учёный – в Академии Наук. Ольге казалось, что она спит. И видит волшебный сон.

Я - УЧЁНЫЙ!

Сон длился почти два года и закончился скверно. Фамилия Ольги была названа директором среди самых плохих научных сотрудников института. Ольга была потрясена – в худшие она попала впервые в жизни.

– За два года Вы не написали ни одной статьи! – выговаривал ей Красовский.

– Да о чём же тут писать? – смущённо оправдывалась Ольга.

Тема, которую Красовский определил не только ей, всему своему отделу, звучала абсурдно: взять все простые вещества, которые есть в природе, и почистить.

– Зачем? – опешила Ольга, – Вычистим – и дальше что?

– Это – официально утверждённая тема! – нахмурился Красовский, – Академия Наук именно за это платит нам деньги.

Ольга, очарованная Грязнухой, больше с расспросами не приставала.

Для простоты организации работы Красовский взял периодическую таблицу Менделеева и раздал её сотрудникам по столбцам. Ольге достался пятый столбец. И она как послушная девочка стала его чистить. И только когда её имя прозвучало на Учёном Совете в чёрном списке, Ольга восстала, стала защищаться.

– Что тут можно писать, если такая тема?

– При чём здесь тема? – сердился Красовский, – в моём отделе все занимаются этим, однако активно пишут статьи!

– О чём я пишу? – научный сотрудник из соседней лаборатории, выпускник престижного физического института весельчак Сашок пожал плечами. – Да так, о влиянии солнечного сияния. В общем, нетленку лепим! – и он засмеялся.

Красовский пригрозил разжаловать её из научных сотрудников в инженеры, но сжалился.

– Я переведу Вас в свою новую лабораторию, работа там ближе к Вашим прежним занятиям, попроще, – Красовский намекал, что Грязнуха Ольге не по зубам. В комнате, куда он её перевёл, кроме неё уже сидели три научных сотрудника, каждый со своей темой, со своими помощниками – коммуналка для неудачников, не вписавшихся в магистральное направление института. Здесь Ольге полагался только письменный стол.

Она проплакала целый вечер. А потом нашла свои старые записи, сделанные ещё в аспирантуре. В эту проблему, как в стенку, утыкались многие, а Ольге казалось, что она знает выход. Ольга рассказала об этой теме Красовскому, он поморщился:

– О глупостях, которыми Вы занимались в аспирантуре, лучше забыть. В институте есть официально утверждённая тематика.

Ольге опять захотелось заплакать, но она вдруг вспомнила: когда её принимали на работу в Грязнуху, ей дали подписать Устав института. Такого Устава не было нигде, только в Грязнухе, дирекция им очень гордилась. А там было записано: «Каждый учёный имеет право сам

выбирать тему». И хотя был Устав пустым пижонством, этим правом никто не пользовался, Ольга напомнила Красовскому об этой записи.

– Я – учёный! – преодолевая страх, Ольга старалась говорить твёрдо. – Я подписала этот Устав! И Вы!

– Да занимайтесь Вы чем хотите! – Красовский махнул рукой.

Через три месяца она докладывала на Учёном Совете первую работу по своей собственной теме.

– Это что ещё за новости? – удивлённо нахмурился директор института Беридзе.

– Да так, женский каприз! – хмыкнул Красовский.

И члены Учёного Совета дружно заулыбались.

– Неужели никто не понял, как это важно? – удивилась Ольга. – Замечательные учёные Грязнухи не поняли?

Вскоре Ольгу вызвали в дирекцию. Значит, всё-таки директор оценил то, что она сделала. Она считала, что академик Беридзе – настоящий учёный.

– Нет, директор не вызывал Вас, – красивая секретарша Аня презрительно тряхнула пышными кудрями. – Вас хочет видеть вот этот... – она указала в угол, где ссутулившись сидел на стуле маленький, незаметный человечек. Плохо одетый, пожилой.

– Профессор Соколов, – представился он, – ко мне попала Ваша статья, которую Вы направили в наш журнал. Я хотел бы с Вами познакомиться.

Это был знаменитый ленинградский профессор – основатель их науки. Ольга и помыслить не могла, что сам Соколов оценит её работу, придет к ней...

– Я приехал к академику Беридзе, но попутно решил побеседовать с Вами. Пока только несколько человек в нашей стране рискнули заняться этим. Тема трудная, но Вы нашли интересный ход. Присылайте новые результаты, будем обсуждать.

– Вы можете взять себе лаборантку, – Красовский бросил ей это на ходу, в коридоре.

Через полгода у неё появился ещё один помощник – молодой механик Игорь. Вскоре к ней подошла студентка Валечка из соседней лаборатории.

– Я хотела бы с Вами работать...

Это была немала жертва – уходя с богатой официальной тематики Валечка теряла многое.

Работа пошла быстро, ходко.

– Неужели мы напал на новый эффект? – радостно улыбалась Валечка, – они часами бродили по лесу, обсуждая странные непонятные результаты. То, что казалось мечтой, превращалось в графики, фотографии, в маленькие кристаллы...

У Ольги почти не было оборудования, для этого требовались большие деньги, а их давали только тем, кто занимался официальной тематикой. Но владельцы дорогих установок часто не знали, чем заняться и охотно помогали Ольге, потому что помощь обычно оканчивалась совместной работой. А для научных сотрудников статья – главный продукт.

МАТЕРИЯ ВЕЗУЩАЯ

– Ну, мать, ты прямо господь Бог! – встретил её утром в лаборатории счастливый Игорь, от волнения он перешёл на «ты», – Кристалл получился точно такой, как Вы предсказали! – механик смотрел на Ольгу восхищённо.

– Ура! – закричала Валечка.

Лаборантка побежала в магазин за тортом, а Игорь был отпущен домой жарить свою фирменную картошку с луком – успех полагалось отметить.

– Да, это настоящая негленка! – Сашок покрутил к рукам кристалл, пожал ей руку.

Вскоре её вызвал к себе Красовский.

– Напишите отчёт о Вашей работе, я хочу доложить в Академии наук. – Это было настоящее признание. О её работе услышат академики! Счастливая Ольга приготовила длинный доклад...

– Напишите попроще, – поморщился Красовский, – не больше одной странички для академиков надо писать, как для пионеров.

Ольга удивилась и пошла переделывать текст. Вскоре Красовский попросил Ольгу написать ещё один доклад. Он собирался рассказать о её работе на международной конференции в Париже. Соседи по лаборатории не скрывали зависти.

– На международную арену выходишь! – шумел Сашок.

– Надеюсь, Вы написали понятно, в Париже у меня не будет времени, чтобы с этим разбираться, – Красовский улыбнулся. Он был в прекрасном настроении. Он всегда был в таком настроении, когда уезжал. Его роскошный костюм и небесной голубизны сорочка источали несоветское благоухание – за рубежом он проводил большую часть жизни. И кажется, лучшую её часть.

Ольга принялась объяснять подробно, взволнованно – результаты были прекрасные, неожиданные!

– Я всё понял, – прервал её бурную речь Красовский, – главный вывод: кристаллы бывают разные, – и он расхохотался.

– Лучше бы мне самой всё это рассказать в Париже! – не выдержала Ольга. Она не от обиды это сказала, просто для дела так было бы лучше. Как станет рассказывать о работе человек, который ничего о ней не знает?

– Понимаете, есть материя везущая, а есть едущая, – Красовский не стеснялся. Да и зачем заместителю директора стесняться какого-то младшего научного сотрудника? Он улыбнулся. Кажется, мыслями он были уже в Париже. А у неё, наверное, судьба такая – везти. И родилась она в год Лошади. Ольга уныло шла по тёмному коридору, опустив голову разглядывала свои поношенные туфли...

Ольгины научные успехи никак не отражались на её жизни – маленькая зарплата младшего научного без единого лишнего рубля хоть какой-нибудь надбавки или премии, тесный угол всё в той же общей комнате... Её робкие сетования на невыносимые условия Красовский пресекал.

– Отдельная комната положена только тем, кто работает над официальной утверждённой тематикой. – И ехал в Париж с её результатами.

В общей комнате было шумно. Обитательница соседнего стола красавица Дашенька красила мордашку, одновременно обсуждая с подружкой по телефону фасон нового платья. За этими занятиями Дашенька проводила всё рабочее время. Ольга накричала на Дашеньку – её трескотня мешала работать.

– Подумаешь, работа! – презрительно хмыкнула Дашенька, уходя в коридор.

– Чего ты бесишься? – вступился за Дашеньку Коля Девяткин – ещё один обитатель коммуналки. Коле больше подошла бы фамилия Шестёркин – молодой кандидат наук к настоящему делу пристроиться никак не мог, работал на подхвате, выполняя то одно поручение Красовского, то другое... "Специалист широкого профиля" – писал он про себя в анкете. Как-то Ольга пожалела парнишку, посоветовала, чем заняться.

Коля выслушал её рассеянно, рассмеялся:

– Работать?! Да что толку, что ты работаешь? Работать – это путь долгий и неверный!

Девяткин оказался прав, его взлёт отношения к работе не имел. Однажды на конференции в Челябинске Красовский вышел в холл гостиницы в голубой сорочке:

– Ну что, сегодня все идём на заседание в голубом?

Все заулыбались, а Коля, бормоча извинения, исчез и тут же вернулся переодетым в голубую сорочку. Вскоре Красовский поручил попечению Коли новый дорогой прибор. Сам Коля в технике не разбирался – ему дали пятерых помощников и большую комнату. Теперь он собирал вещи, чтобы покинуть коммуналку навсегда.

Ольга молча села за свой заваленный бумагами стол, выслушала жалобы Игоря на капризы старого прибора, жалобы лаборантки на плохо работающую вентиляцию, жалобы Валечки... У неё раскалывалась голова.

ГРЯЗНУХИНА ТАЙНА

Теперь Ольга часто докладывала свои работы на Учёном Совете.

– Я понял, откуда она берёт свои структуры! Посмотрите, у неё на юбке точно такие же клеточки! – Марк Липман весело захохотал и к нему тут же присоединились члены Учёного Совета.

Почему-то чем лучше становились её работы, тем больше насмешек они вызывали. Затравщиком обычно становился Марк. Его работа была близка к Ольгиной теме и далека от

темы официальной, и был он таким же кандидатом наук и младшим научным сотрудником как Ольга, но несмотря на это у Липмана почему-то было всё – две просторные комнаты, отличные приборы... И помощников у него было не четверо, как полагалось по правилам, а семеро.

– Марк написал докторскую диссертацию, – эту новость принёс Игорь, – мне его механик сказал. А его сотрудники молчат. Марк запретил им болтать. Это он от Вас свой опус скрывает.

Зачем Марку понадобилось прятать свою работу от Ольги? Чтобы получить ответ на этот вопрос ей пришлось поехать в Москву – Марк собирался защищаться не в своём институте, а на стороне. И это тоже было странно. В библиотеке института ей выдали толстый фолиант. Содержание впечатляло – блестящие эксперименты, выполненные на дорогих приборах... Но результаты получились странные. И Ольга сразу поняла почему – в самой главной формуле – основе работы – была допущена ошибка. Серьёзная, грубая. Правда, в таком виде формула становилась удобной для работы, а если сделать всё правильно, появлялось много проблем. Ольга уже второй год билась, пытаясь их преодолеть. А у Марка работа шла легко. Но с такой ошибкой ему же не стать доктором наук!

Ольга не понимала как Марк мог не заметить такой грубой ошибки, которая перечёркивала всю его работу? На ближайшем семинаре, испытывая жгучее сострадание к Липману, она сказала:

– Марк, тебе придётся почти всё переделать! У тебя ошибка...

Лицо Марка покрылось красными пятнами, вспотело... Странно пожевав губами он выкрикнул запальчиво:

– Антисемитка!

Губы его тряслись, зубы стучали, кулаки сжимались странно, судорожно. Он выскочил из зала, налетая на стулья, роняя их. А его сотрудник Вадик Бельштейн сказал громко на весь зал:

– Ну что вы хотите? Она же чистит пятую группу! – Вадик намекал на пятую графу в анкетах, где писали национальность, и на пятый столбец периодической таблицы, который на заре её грязнухинской деятельности поручил ей вычистить Красовский.

Все захохотали и стали расходиться, обходя её как зачумлённую. Только Сашок подошёл.

– Почему он на меня нападает? При чём здесь национальность? – Ольгины глаза были полны слёз.

– Ты что, не в курсе? – Сашок посмотрел на неё удивлённо, – у Марка все сотрудник одной с ним национальности, кроме механика, конечно.

Заведующий лабораторией Прокопенко, проходя мимо Ольги, сказал укоризненно:

– Как Вам не стыдно!

Прокопенко всегда был подчёркнуто вежлив с ней, почти галантен. Теперь стыдил. За что? За то, что она обнаружила ошибку в формуле? Может, она сошла с ума? Ольга ничего не понимала.

– Прокопенко же украинец, – пробормотала она.

– Он такой же украинец, как я китаец, – Сашок рассмеялся, а потом посмотрел на Ольгу с интересом, – ты что, правда ничего не понимаешь?

Нет, она начинала понимать. Оказывается, для некоторых научных сотрудников важнее любых формул, законов и вообще всей этой дребедени, называемой наукой, был один вопрос – национальность. Вернее, принадлежность к еврейской национальности. А ошибаться люди этой национальности в принципе не могли.

Вскоре Ольга с удивлением обнаружила, что таких людей в институте немало, а среди начальства – глав лабораторий и отделов – и вовсе большинство. Завлаб Шлафман, прежде изысканно любезный, хлопнул дверью перед самым носом Ольги, едва не разбив ей лицо. Молоденький робкий аспирантик Ваня Сидоров злобно вырвал у неё из рук журнал в библиотеке. По паспорту он значился белорусом. Её выступление на семинаре сработало как детектор, проявив всех евреев, даже скрытых под фамилиями белорусскими, украинскими, грузинскими, русскими...

– Ну ты даёшь! – Сашок покрутил пальцем у виска, – ты что, не знала, что наш директор Беридзе еврей?

Ольга не знала. Она вообще не понимала, зачем ей надо было это знать? Ей было абсолютно всё равно, кто какой национальности! Она никогда не задумывалась над этим.

– Теперь тебе помогут разобраться, что к чему! – Сашок не смеялся, он был мрачен. А её бывший сотрудник Гоша Мельников, соратник её самых первых дней в Грязнухе, когда она чистила пятую группу, сказал удивлённо:
– Надо же, а мы были уверены, что у Вас есть какая-нибудь тётя Броня в Одессе. У каждого, кого берут в Грязнуху, обязательно найдётся тётя Броня.

ТЁТЯ БРОНЯ ИЗ ОДЕССЫ

Обрывки воспоминаний стали всплывать в беспечной Ольгиной голове. Когда она заканчивала институт, в Грязнуху набирали первых сотрудников. Прекрасные условия нового Академгородка привлекали многих, но профессор Липсиц предложил Грязнуху только Маше Коган. Маша была совсем слабенькой студенткой.

– Почему именно Коган? – спросила Ольга.

Ольга была лучшей студенткой на курсе и имела право задавать такой вопрос – на распределении ей положено было первой выбирать место работы. Липсиц, кажется, слегка смутился. Ответил не сразу.

– У Коган есть московская прописка, у Вас нет. В Грязнуху берут только с московской пропиской.

Профессор лгал. Теперь Ольга знала – в Грязнуху брали с любой пропиской, лишь бы национальность была подходящей. Как же попала сюда Ольга? Ведь тёти Брони у неё не было. Оказалось, как раз в тот момент, когда она искала после аспирантуры работу, у Беридзе возникли трудности – слишком много сотрудников Грязнухи эмигрировали в Израиль. По этому поводу Беридзе даже вызывали на ковёр в райком и пригрозили карами. Он просто вынужден был срочно принять меры. Так попали в Грязнуху она и Сашок. И ещё несколько русских – для улучшения статистики. И для пополнения рядов материи везущей. Ведь в институте кто-то должен был работать. Всё это Ольга выяснила только теперь, Липман заставил её разобраться.

А прежде Ольга думала – её шеф по аспирантуре профессор Липсиц оценил её научные таланты. Отправляя её в Грязнуху, он отечески похлопал Ольгу по плечу:

– Вам повезло!

Об истинных причинах счастливого Ольгиного везения он, разумеется, умолчал. А она, разомлев от счастья, подарила ему роскошные цветы, очень дорогую книгу...

Ольга поднималась в свою лабораторию: одна ступенька, другая... Во всех пролётах лестницы было по тринадцать ступеней. В Ольгиной памяти всплыла фамилия архитектора, строившего здание института: Авербух, весьма чтимый в Грязнухе человек. В этом институте всё было неслучайно – национальность сотрудников, строителей. Даже число ступенек... А она-то думала – храм науки!

Ольга почувствовала себя в блокаде. Половина института прекратила с ней здороваться. Её очередной доклад на семинаре был с треском провален. На неё нападали абсолютно не по делу, но яростно и злобно. Ей объявили войну. Ну, война так война! Ольга решила принять бой. Она снова поехала в Москву и внимательно прочла диссертацию Марка. Результатом стал отрицательный отзыв, написанный по всем правилам: «работа не заслуживает искомой степени». Воевать Ольга могла только так, как воевали её рязанские деды – открыто. И потому, прежде чем послать отзыв в Учёный Совет, где предстояло защищаться Марку, она передала его сотрудникам Липмана.

Она видела как взбешённый Марк промчался в дирекцию с её бумагой в руках. В кабинет директора Липман вошёл запросто. А Ольге за четыре года работы в Грязнухе ни разу не довелось побывать у Беридзе. Он и теперь до беседы с ней не снизошёл. Ольгу вызвал его заместитель. Единственный русский среди высшего начальства Коробков был тихим, сереньким, незаметным. Он тяжело, хрипло кашлял. Поговаривали, что у него рак. Роняя пепел дешёвой сигареты на изношенный до грязной желтизны костюм, Коробков говорил глухим, прерывающимся голосом.

– Зачем Вам посылать этот отзыв в Учёный Совет? Ну, показали Вы его Липману и хватит. Он исправит ошибки. Вы же понимаете, что наносите удар по репутации института, выносите сор из избы...

А Ольга думала, что Академический институт – не изба, а насквозь фальшивая диссертация – действительно сор, который надо из науки выметать. Потому что в противном случае вся наука превратится в помойку, и ей, Ольге, незачем будет выстраивать длинные цепочки сложных экспериментов, незачем мучиться, пытаясь отгадать загадку странных результатов. Незачем будет жить.

– Зачем Вам лишние осложнения? – вяло бубнил Коробов, отвернувшись к окну – наверное, ему было стыдно. И хотя Ольге было жаль его – забитого, замызанного, больного, своё «нет» она произнесла уверенно и твёрдо.

А на осложнения, которые ждали её, ей было наплевать. Она и так жила хуже всех.

Процедура предписывала обсуждать отправляемый на сторону отзыв на Учёном Совете своего института. Ольге пришлось выступать. И слушать, как за Липмана встал горой весь институт. Это походило на театр абсурда – ошибку в формуле – грубую, явную даже для первокурсника, люди с учёными степенями не видели. Все обсуждали только одно – Ольгин антисемитизм! Её не поддержал никто. Приятели, соседи, которые заходили к ней в лабораторию, останавливались в коридоре, хлопали по плечу, говорили: – Ты абсолютно права! Молодец! Держись! – на Учёном Совете дружно промолчали. Все как один.

– Ты можешь себе позволить такое, – уныло оправдывался Сашок. – Твой муж не работает в Грязнухе. Если что, он тебя прокормит. А что стану делать я, если меня выгонят из института? И жена моя тут работает.

– Чего они так боятся? – спросила Ольга у своего бывшего однокурсника Сергея Лузгина. Сергей тоже работал в Грязнухе. Они вместе шли вечером из института. – Чего они боятся? Вот я говорю открыто и до сих пор жива.

– Ты жива потому, что тобой не занимались, – неожиданно зло ответил Сергей.

По паспорту, по отцу он был чуваш. Но его мать его была правильной грязнухинской национальности. Ольга вспомнила её горбоносое, обрамлённое тёмными вьющимися волосами лицо и почувствовала нешуточный страх. Они с Сергеем были одни среди тёмного осеннего леса... Конечно, мысль была дикой. Но законы, по которым жила Грязнуха, были настолько дикими, что Ольга готова была допустить и такое. Тем более Сергей смотрел на неё с ненавистью.

Самым болезненным ударом для Ольги оказалось предательство собственной аспирантки Валечки. Однажды Ольга увидела, как улыбающаяся Валечка выходит из кабинета Липмана.

– Понимаете, мне же скоро защищать кандидатскую диссертацию, а Липман – член Учёного Совета, да там все его друзья.

В день зарплаты в ведомости на премии вдруг обнаружилась Валечкина фамилия.

– Я предупреждал Вас, Валентина доносит Липману на Вас, – сердито ворчал механик Игорь.

Ничего себе компания собралась в престижнейшем институте Академии Наук – лжецы, предатели, трусы...

Ольга перестала делиться своими идеями с Валечкой. Она жила в полной изоляции, как прокажённая. Когда она проходила по коридору, коллеги спешили быстренько проскочить мимо, потупляя глаза. И на семинарах рядом с ней не садился никто. Ольга была близка к нервному срыву. Но муж стал заботливым как никогда. Только иногда ворчал:

– Я говорил тебе, что ты лезешь в осиное гнездо, а ты так рвалась в эту Грязнуху!

– По-твоему в лучшем институте Академии должны работать одни Липманы? – сердилась Ольга. – А русские не имеют права даже пикнуть?

Ладно, пищи! – соглашался муж. И Ольга не чувствовала себя беззащитной.

Марк забрал диссертацию для доработки и отложил защиту. Через полгода он представил её снова в тот же Учёный Совет, не исправив ничего. И Ольга, не обращая внимания на жалобные мольбы Коробкова и угрозы многочисленных друзей Липмана, отправила свой отзыв в Учёный Совет.

– Отзыв могут просто изъять, – вяло мямлил Коробков.

И Ольга поехала на защиту Липмана, выступила. Рядом с ней сидел только муж. И никого из Грязнухи. Грязнуха была на стороне Липмана. Выступая с заключительным словом он прозрачно намекал, что позиция Ольги никакого не имеет никакого отношения к науке и вызвана только её патологической ненавистью к людям определённой национальности. Все другие выступавшие, словно враз ослепнув, не замечали ошибки в формуле и восхваляли

работу Марка. Учёный Совет проголосовал за Липмана почти единогласно. Только один какой-то смельчак бросил чёрный шар. Но это не имело никакого значения.

БЛЕСТЯЩАЯ НАУЧНАЯ КАРЬЕРА

Лифт остановился на площадке третьего этажа. Двери открылись, но из кабины не вышел никто. Девушка из бухгалтерии, вместе с Ольгой поджидавшая лифт, шагнула было вовнутрь, но тут же отпрянула, закричала истошно:

– Помогите!

В лифте на полу лежали двое. Молодой мужчина с иссиня-красным лицом навалился на пожилую полную женщину, обхватил её тело руками, а она, запрокинув белое лицо, странно вывернула голову, словно пытаясь избавиться от его судорожных объятий. Подоспевший на крик механик вытащил мужчину, оставив в покое женщину.

– Эта точно покойница, белая вся, а этот живой, щёки красные... Да это же Ковальчук! Начальник моего отдела. Сразу не признал. Темно тут.

На площадке у лифта собиралась толпа. Кто-то принёс нашатырный спирт, кто-то попытался вложить в рот мужчины валидол... На лежавшую в лифте женщину никто внимания не обращал.

Врач Скорой помощи бегом поднялся по лестнице, склонился над лежавшим на полу...

– Поздно... – и велел помощнику принести носилки.

Из кабины лифта донёсся стон. Кто-то помог женщине подняться, выйти...

– Он так захрипел. Покраснел весь и на меня повалился, – бормотала женщина, едва переставляя ноги, – я думала он меня задушит.

Было девять тридцать утра. Багровое лицо покойника, жутко вздрагивало на носилках от несогласованных шагов санитаров. Эдику Ковальчуку было всего тридцать пять лет. Позавчера он отметил день своего рождения. А вчера Ольга встретила его во дворе института. В последнее время они разговаривали редко – служебная лестница всё дальше разводила их друг от друга, хотя начинал Эдик в той же коммунальной комнате, что и она. Он круто шёл наверх, шагая через ступеньку, через две, а Ольга так осталась в самом низу – младший научный сотрудник.

Научные интересы он имел расплывчатые, зато очень быстро обнаружил другие таланты – Красовский стал брать его с собой в Академию, когда требовалось выбить деньги, новое оборудование... Потом Эдиком заинтересовался Беридзе и с тех пор Беридзе и Красовский постоянно соперничали – кому будет принадлежать Эдик.

– Он умеет проходить в те кабинеты начальников, где даже я застреваю в дверях, – смеялся Беридзе, горделиво поглядывая на своего нового помощника.

Эдика то и дело вызывали в дирекцию, но настоящий его взлёт состоялся в тот день, когда в институт приехал заместитель министра. Он намекнул директору, что хочет получить учёную степень и Беридзе обещал ему помочь. В благодарность чиновник обещал немалые блага для института и для Беридзе лично. Эту новость передавали друг другу шёпотом. Директор лично взялся организовать бригаду по изготовлению научного труда для замминистра. Руководителем бригады был назначен Ковальчук. Под его начало Беридзе отдал целую лабораторию – прямо из младших научных Эдик шагнул в завлабы. В лабораторию набрали молодых и шустрых как Эдик, не склонных обсуждать приказы начальства – через год министерская диссертация была изготовлена. К двери нового кабинета Ковальчука привинтили табличку «Заведующий отделом». Это произошло вскоре после возвращения Эдика из Сочи, где он провёл месяц в санатории класса «люкс», вводя заместителя министра в курс работы, которую чиновник собирался представить как свою собственную.

– Мой новый кабинет такой здоровый и совсем пустой, не знаю, чем его набить, – весело жаловался Ольге Эдик ещё вчера, – у меня из бумаг – только ежедневник. – Эдик гордо улыбался, а Ольга думала, что в тесной общей комнате, где она работала до сих пор, ей приходится запикивать записи своих экспериментов под стол, на шкаф...

– Вчера пили до утра! А сегодня в обед поехали с друзьями в волейбол играть, ну а после тренировки положено в баню. С девочками, разумеется... – Эдик весело смеялся, а Ольга смотрела на его распахнутую шикарную дублёнку и думала, что пора бы сменить свою

старенькую дешёвую курточку, но с деньгами было туго, в магазинах пусто – она ведь не ездила как Эдик в заграничные командировки. Эдик рассказывал ещё что-то весёлое, а Ольга чувствовала, что бывший приятель вызывает у неё ненависть.

Появившийся возле лифта Сашок глядя на удалявшиеся носилки вдруг сказал холодно и зло:

– Откусил слишком большой кусок. Не смог проглотить, подавился...

И вспомнил последний Новый Год – тогда вся лаборатория собралась дома у Сашка. Под утро пришёл и Эдик по старой памяти. Он был сильно пьян. Облапив двух девиц, сбив со стола тарелку с кислой капустой, Эдик упал, и катался по полу среди лохмотьев капусты, пьяно хохоча, не выпуская из рук визжащих девиц. А поднявшись посмотрел на вдруг смолкнувших бывших друзей и сказал жёстко:

– Я беру всё, что захочу! Я всё могу!

На похоронах Беридзе рыдал горше, чем мать Эдика, и всё повторял:

– Как же мы теперь будем без него? Как?

Красовский, не скрывая слёз с пафосом произнёс над свежей могилой:

– Он сделал блестящую научную карьеру!:

Волейболисты Грязнухи решили назвать команду именем Эдика. Чтобы увековечить память о нём.

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ АКАДЕМИКА?

На похоронах Ковальчука был ещё один человек, который горевал безутешно. Красивая дама лет пятидесяти роскошью наряда и небрежностью манер затмевала даже институтское начальство. Дама эта была лицом таинственным – имела в институте должность невнятную, но хорошо оплачиваемую, и персональный кабинет, где появлялась она редко, коротая время своих недолгих визитов в беседах с Красовским или Беридзе. Дама жила в Москве и была женой сына академика Бурдюмова – основателя Грязнухи вообще и их института в частности.

Бурдюмов был академиком первого советского призыва. После революции, когда учёных, не успевших уехать за рубеж, расстреливали или рассаживали по лагерям, тихий паренёк открыл небольшой эффект. Опустевшие научные кресла надо было кем-то заполнять – вокруг паренька подняли шум, возвели в высокий чин. За полвека, минувшие с тех пор, академик ничем науку не осчастливил – недосуг было – принимал чины да награды, возглавлял институты да учёные советы. А в редкие свободные от этих занятий минуты получал квартиру в сталинской высотке, устраивал дачу в элитном академическом посёлке... А там подросток, и академику пришлось устраивать его – сынок стать доктором наук, начальником в академическом институте и мужем красавицы, хотя ни ума, ни красоты Бог ему не дал.

Саму красавицу её странное замужество отнюдь не тяготило. «Невестка академика» - в её устах звучало как обозначение профессии, должности, места работы. Жизнь Галины была полна хлопот: она то выбивала себе квартиру в новом доме, выстроенном специально для академиков в престижном районе Москвы, то доставала в Управлении делами Академии новый автомобиль, то занималась строительством новой дачи в посёлке академиков, то шила наряды в закрытом академическом ателье – доступ туда имели только академики. Ну и их родственники, конечно. За двадцать пять лет замужества Галина освоила профессию невестки академика в совершенстве, а именем Бурдюмова пользовалась столь виртуозно, что могла бы написать пособие на тему: «Как использовать академика?» Академика в свои дела она не посвящала – зачем волновать старика? Он был нужен Галине живым. И на этом поприще она преуспела – разменявший девятый десяток Бурдюмов был бодр и свеж. Храня здоровье, в Грязнуху он не ездил, довольствуясь чином почётного председателя Совета директоров. Его полномочным представителем в Академгородке, проводником его воли являлась бойкая сноха.

– Красовский и Беридзе были самыми способными ребятами на моём курсе, самыми энергичными, я познакомила их с Бурдюмовым, – рассказывала как-то Галины академиком, посетившим Грязнуху по случаю юбилея института.

И Эдика Ковальчука Грязнуха получила из галининых рук – она первая оценила его энергичное обаяние и специфические таланты. Институтским не раз приходилось наблюдать,

как Эдик запросто усаживается в роскошную «Волгу» Галины, чтобы отбыть с ней в неизвестном направлении. Только изучив Эдика досконально, она передала его в руки Беридзе.

Таких как Ольга Галина попросту не замечала. Как-то на заре своей деятельности в Грязнухе, Ольга, стараясь быть прилежной и послушной, робко постучала в её кабинет.

– Весь институт выходит на субботник на стройку нового корпуса... Мне поручено всех оповестить... Сам Беридзе будет... – совсем оробев добавила Ольга, понимая, что её слова вызывают раздражение роскошной дамы.

– Что? На субботник? Я? – даже не взглянув на Ольгу, Галина отвернулась, давая понять пришедшей, что её нелепая миссия окончена.

Ольга почувствовала запах дорогих французских духов и комок в горле. С тех пор она перестала здороваться с Галиной.

Наверное, это удивляло даму, привыкшую к низким поклонам. Может, причиной стала быстро набиравшая известность Ольгина работа или объявленная ею Липману война, но однажды Галина сама удостоила Ольгу кратким разговором:

– Марк так несчастен. Он только что похоронил мать. У него страшная депрессия. Он жаловался мне, что подумывает о самоубийстве, – Галина печально вздохнула – она надеялась разжалобить Ольгу, уговорить её прекратить войну. Ольга войну не прекратила – розовощёкий шумный Марк на кандидата в самоубийцы явно не тянул. Галина стала первой здороваться с ней.

– Они боятся тебя – и Галина, и Липман, говорят: страшная баба! – смеялся Сашок, – я сам слышал, когда был у Красовского. Сашок радовался от души. И Ольга порадовалась – пусть боятся.

ПО ПРАВИЛАМ АКАДЕМИИ НАУК

В Грязнухе открылся факультет Московского учебного института.

– По правилам Академии наук читать лекции могут только старшие научные сотрудники, а Вы младший, – Красовский отложил в сторону написанный Ольгой план лекций.

– Но мы создали новую область науки, надо учить этому студентов... – Ольгин лепет Красовский опустил мимо ушей, повторив ещё раз – таковы правила!

Правила Академии Наук вечно оборачивались против Ольги. И против Сашка.

– Уйду из Грязнухи к чёртовой матери, – плакал пьяный Сашок на вечеринке в честь собственного сорокалетия. – Старшего научного сотрудника никак не дают, по правилам Академии Наук для этого надо защитить докторскую диссертацию. Мне её никогда не сделать, Красовский подкинул мне такую муть! А я вынужден работать по его темам, там премии платят, у меня же двое детей.

Официальные темы словно специально были так устроены, чтобы на выходе получить пшик. Словно академики специально задались целью занять научное поголовье бесполезным трудом. И в преподаватели Сашка не взяли, хотя физик он был от Бога. Зато взяли Бурдюмовскую невестку Галину и бессмысленного «специалиста широкого профиля» Колю Девяткина. Доктором наук он не был, значит, по правилам должность старшего научного сотрудника ему не полагалась, но он её имел. Ещё преподавателями были назначены Липман и сам Красовский. Правда, ему вечно было недосуг и потому за него отдувался Коля Девяткин. Неважно, что студентам не будет пользы от новых профессоров. Преподавание – дополнительный заработок. И кто же допустит к нему Ольгу? Или Сашка?

Сашок взбунтовался, подал заявление об уходе. Красовский испугался – Сашок был настоящей рабочей лошадью, тяжеловозом - и устроил Сашку командировку за рубеж.

Месяц в Вене дал Сашку доход сравнимый с его годовой зарплатой младшего научного. Сашок повеселел и ругать Красовского перестал. А Ольга ещё хуже относиться к Академии наук, которая играла по правилам весьма странным.

Очередной доклад Ольги на семинаре был встречен как всегда градом издевательств. Резвились не только Липман и его друзья, но и сосед по лаборатории Митя Данченко выступал зло и не по делу.

– Он, что, тоже из липманов? – спросила удивлённая Ольга Сашка.

– Да нет, он просто злится, что ты, женщина, сделала докторскую диссертацию, а он, как и я сидит на официальной теме – из неё ничего не выкроишь.

Ольга не была виновата в Митиных бедах, он сам выбрал любовь начальства и премии – она обиделась. И порадовалась – значит, в институте уже поняли – быть ей доктором наук. Ольга и сама видела – картинка нового, никому не известного явления почти сложилась. Её работы охотно печатали журналы – советские, иностранные...

– Я готов быть Вашим оппонентом, только поторопитесь, я ведь немолод, – скрипучий голос профессора Соколова по телефону звучал ласково.

– Я ничего не поняла в твоей работе, зато ясно почувствовала – ты здесь хозяйка! – Ольгина подруга Лариса из химической лаборатории улыбнулась ободряюще. – Давай, двигай в доктора! А то одни мужики проходят. Да и то липманы.

– Тебе докторскую защитить никто не даст! – зло хмыкнул бывший однокурсник Сергей Лузгин.

К тому, что говорил Сергей стоило прислушаться – он принадлежал к еврейскому сообществу – хозяевам Гряхнухи.

– Красовский, не задавил тебя только потому, что ему иногда пригождаются твои работы. Не в нашей Академии, конечно, там на них всем наплевать, они же ни рубля никому не приносят, но на международных конференциях неплохо идут, – Сергей смеялся ей прямо в лицо, – ну ты иди в столовую, а я пойду домой обедать, потом посплю, мне Красовский служебную однокомнатную квартирку в Грязнухе дал, всё по правилам – москвичам полагается, не могу же я каждый день мотаться в Москву!

А Ольга моталась. Уже десять лет. Её просьбы на эту тему Красовский не слушал:

– Мы не даём жильё женщинам, в посёлке и так плохо с жильём.

Плохо для неё, для Лузгина – хорошо. В Грязнухе всё играло против Ольги – национальность, пол...

Конечно, и докторская степень мало что изменит в её жизни – это Ольга понимала. Вот если бы заполучить тётю Броню из Одессы... Но тётя Броня не было. А то, что защитить докторскую ей не дадут... Это мы ещё посмотрим! Ольга решила играть по правилам Академии наук. Следующий доклад для поездки в Лондон, который попросил у неё Красовский, Ольга подписала двумя фамилиями – своей и его. Он сделал вид, что ничего не заметил. Потом Ольга принесла ему на подпись статью.

– Вы так хорошо мне всё объясняете, что я уже прилично разбираюсь в этой проблеме! – рассмеялся Красовский и подписал статью так, словно это само собой разумелось.

То, что делала Ольга, называлось скверно – взятка. Она давала Красовскому взятки – вписывала его фамилию в список авторов своих неплохих работ. Конечно, учёный не должен поступать так. Но учёный живёт не на облаке, а в Академии Наук. А в Академии такие правила.

– Посмотрите, да у неё полно работ с Красовским! – шепнул соседу самый злой Ольгин враг, самый ярый защитник Липмана профессор Шлафман. – И посмотрите, кто у неё оппоненты!

Оппонентов Ольга решила выбирать из стана друзей Липмана. Одним из них стал благодушный старичок Розенберг.

– Конечно, за оппонирование платят мало, но мне, знаете ли, и это не помешает, я ведь скоро уйду на пенсию, – признался он и не стеснясь попросил приготовить «рыбу», то есть написать отзыв от его имени. Незаконная «рыба» была среди научных сотрудников весьма обычным блюдом.

Другим её оппонентом стал Миша Кац. Он был другом Липмана, но предложение Ольги принял, даже слегка пожурил дружка:

– Конечно, Марк неправ, но он, знаете ли, лодырь страшный, с ним ничего не поделаешь. А у Вас работы классные, я хочу их повторить.

И повторил, и получил за это премию – это Ольге премий не полагалось. Его отзыв начинался пышными фразами о том, что он, Миша Кац – главный специалист по этой проблеме в Советском Союзе и даже пожалуй в мире. Выступая на Учёном Совете Ольга не стала уточнять, как обстоит дело в действительности – она обязана была победить.

Защита Ольгиной диссертации прошло успешно. Легендарного профессора Соколова подкрепляли с флангов Розенберг и Кац – композиция получилась убедительная. Сам

Красовский пришёл и выступил – кратко и сухо. Но он произнёс фразу: «Работа заслуживает присуждения искомой степени...» Этого было достаточно – все члены Учёного Совета послушно проголосовали «за».

Через пару месяцев после защиты Ольга услышала на семинаре доклад Липмана, посвящённый эффекту, который открыла она. Марк называл его своим. Розенберг и Кац бурно хвалили автора. И члены Учёного Совета не скупались на похвалы первооткрывателю. Вскоре в планах института новый эффект стал фигурировать под именем Липмана. Про Ольгу и её работу никто не вспоминал. И она молчала – таковы правила Академии Наук. И Ольга не в силах была их изменить. Во всяком случае пока.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ ДЛЯ ПАПЫ

- Вам стоит превратить Вашу диссертацию в книгу, – говорил профессор Соколов.
- Материала недостаточно для книги, – возражала она, – вот если бы присоединить Ваши данные...
- Согласен, давайте писать книгу вместе, приезжайте ко мне в Ленинград пока Вы в отпуске. Писать книгу с Соколовым – большая честь. Ольга поехала в Ленинград вместе с сыном. Академическая гостиница располагалась в старом доме с большими комнатами на шесть человек и удобствами в коридоре, зато расположен был дом на Дворцовой площади.
- Как хорошо, что ты работаешь в Академии Наук, живём рядом с Эрмитажем, – сын был счастлив.

Тихий тёплый август был как подарок. Утром они вместе выходили на набережную и любовались Невой, Зимним дворцом, стрелкой Васильевского острова, а потом сын шёл в музей, а она ехала к Соколову.

С утра они работали в его нишей, холостяцкой квартирке, а потом Ольга готовила обед, а от ворчал, что это безумие – отрывать столько времени от работы ради такого бессмысленного занятия как приготовление пищи, что лучше было бы пообедать в столовой... А Ольга смеялась – после столовской еды хорошей книги не напишешь. К вечеру, окончательно устав, они ставили пластинку на старый проигрыватель и слушали Бетховена, которого любил он, и Рахманинова, которого любила она. А потом Соколов шёл провожать её до метро. По дороге они делали крюк, чтобы прогуляться в парке, и профессор рассказывал ей свою жизнь. Сын советского торгпреда он вырос в Германии. После внезапной смерти отца они с матерью вернулись в Ленинград. Пятнадцатилетний подросток был потрясён – жизнь сильно отличалась от того, что писали газеты. Он поделился впечатлениями с другом, тот донёс в органы. В тюремной камере, куда его посадили, было пятьдесят человек, ему пришлось спать под нарами на полу.

– А знаете, фамилия моего следователя была такая же, как и у Вашего врага – Липман, – Соколов говорил тихо, почти шёпотом, опасливо озираясь на тёмные кусты. Ужас, потрясший ребёнка, сохранился на всю жизнь. Потом была ссылка, сибирский институт, куда с трудом удалось пробиться, работа на заводе в грязном, тяжёлом цехе, и только к сорока годам Уральский научный центр, где он стал профессором. В семидесятых Соколов вернулся в Ленинград, его взяли в самый знаменитый физический институт, но жил он там по-сиротски. В общей комнате, без оборудования, компьютеров, помощников. Двух его сотрудников – талантливых, сильных, директор выгнал из института. Академику не нравилось, что делал Соколов, что говорил...

Их книгу взялось печатать самое престижное издательство – «Наука». Забирая рукопись, редактор велел Ольге написать бумагу странного содержания: «Я отказываюсь от гонорара, потому что книга написана по теме той работы, которую я веду в институте...»

– Вы уже получаете за эту работу зарплату, поэтому гонорар за книгу – вторая плата за ту же самую работу Вам не положен, – пояснил редактор.

Логика была дикая – зарплату в институте получали все, книги же не писал никто, а Ольга потратила на рукопись целый год, выходные, отпуска...

– А разве бывает, что основой монографии становится не работа, а хобби? – съязвила Ольга.

– Бывает, – отрезал редактор.

– Это – обычная история, – за научные книги денег не платят, – ласково улыбался профессор Бронштейн. Он работал в Москве, но в Грязнуху навевывался часто – навещал своего лучшего друга Липмана. К Ольге он относился дружелюбно, несмотря на её с Марком войну. – Гораздо выгоднее писать научно-популярные книги. Вот я купил машину, и не какую-нибудь, а «Волгу» всего за одну брошюрку, – щедрым жестом он протянул Ольге тонюсенькую книжонку, – дарю! Однако, написать такую книжицу может не всякий, на неё надо получить заказ издательства, – улыбнулся Бронштейн. Я получил заказ, в издательстве у меня работает друг...

Ольга прочла список редакционной коллегии на первой странице книжки и поняла – ей заказа не получить.

Книга Ольги и Соколова была распродана мгновенно, издательство даже не выдало им полностью положенные авторские экземпляры, но они не огорчились – пусть люди читают.

– Наше направление разрастается, – счастливо улыбался Соколов, – около тридцати лабораторий в Советском Союзе стали заниматься этой темой, пора нам провести Всесоюзный семинар.

Местом проведения назначили Грязнуху, все хлопоты взяла на себя Ольга. Но незадолго до открытия семинара Липман попросил перенести его дату. Ольга решила быть великодушной, перенесла. И уже в командировке в Киеве узнала, что семинар состоялся в назначенное прежде время, без неё. Марк не поленился разослать всем извещения об изменении. Ольга даже не огорчилась – это походило на мелкие дрязги в коммуналке.

Через полгода она, опираясь на мощный авторитет Соколова, провела большую Всесоюзную конференцию в Воронеже. Но и там у Липмана нашлись друзья. Председатель местного оргкомитета профессор Эпштейн сверстал программу так, чтобы большой доклад Липмана открывал конференцию, а Ольгиной работе он выделил всего пятнадцать минут вечером последнего дня конференции. К этому времени многие уже разъезжались.

– Ну что Вы всё скандалите, – миролюбиво улыбался Ольге профессор Фетисов – заведующий кафедрой местного университета. Он мог заставить Эпштейна изменить программу, но не стал. – Знаете ли, этот народец весьма влиятелен в нашем университете, – признался он Ольге смущённо. – А у меня уже возраст пенсионный, неприятности мне ни к чему.

На закрытии конференции поднялся настоящий бунт – почему самый интересный доклад был поставлен так неудачно, что не осталось времени его обсудить? Эпштейн молча улыбался. Изменить ничего уже было нельзя.

Конференция показала – их направление стало сильным. Они собрались вместе – ровесники Ольги, молодые доктора наук из Ленинграда, Челябинска, Воронежа, Томска, Уфы... Им всем пришлось нелегко пробивать новую тему, но теперь у них были сотни статей, десятки монографий. Их работы использовала электроника, машиностроение, солнечная энергетика... Они решили сложить всё это вместе и подать на Государственную премию.

– В авторский коллектив придётся взять Липмана, – Фетисов смущённо улыбнулся и посмотрел на Ольгу.

– Возможно, работы у него спорные... Но у него много статей, книга, это пригодится, – молодой блестящий ленинградский профессор был уже знаменит, его назначили заместителем директора крупного института, – а вообще-то я не особенно разбирался в том, что он пишет, я очень занят. И потом, мой босс-академик обещает протолкнуть меня на следующих выборах в члены-корреспонденты, а в Академии друзья Липмана имеют большое влияние... Это ты можешь себе такое позволить, ты – просто научный сотрудник, – улыбнулся он Ольге.

Все посмотрели на неё. Она пожала плечами. Она устала всё время быть против всех. Липман был приглашён в их круг и первые его слова были:

– В авторском коллективе должен быть профессор Бронштейн. Он работает в нашей области. Это было сильной натяжкой, но Бронштейна позвали.

– В авторском коллективе должен быть мой папа...

А это уже не лезло ни в какие ворота. Ольга встала на дыбы.

Через некоторое время опубликовали списки уже состоявшихся лауреатов Государственной премии нынешнего года, среди них был папа. Бронштейн милостиво

согласился папу из списка вычеркнуть. Но вместо него он предложил записать никому не известного молодого человека по фамилии Павловский. Почему?

– Как почему? – Бронштейн задыхнулся от возмущения, – он же сотрудник моего папы!

Тут уже Ольге не пришлось сражаться в одиночку, ей помогли – профессор из Нижнего, профессор из Уфы... Павловского вышвырнули из списка. Бронштейну вежливо объяснили, что близость к папе – не повод для Государственной премии, он покрылся красными пятнами, но смирился. Назначили день решающего заседания в Москве. Приехавшие с разных концов страны явились вовремя, не было только москвича Бронштейна. Его ждали почти два часа. Войдя он даже не извинился, причину задержки объяснил так:

– По вторникам я обычно езжу на рынок, чтобы купить свежий творог для папы... Сегодня вторник.

– Присуждение Государственной премии – это грязная кухня, – говорил Ольге Соколов, – бросьте это дело.

– Но у нас такой сильный коллектив! – горячилась она, – будет очень несправедливо, если не дадут!

Премии им не дали.

– Это Вы виноваты, – сердито выговаривал Ольге Бронштейн, – мой папа очень влиятелен в комитете по присуждению премий...

СТРАШНЕЕ КОШКИ...

Директор института Беридзе был главным человеком в Грязнухе. Заседания Учёного Совета он вёл как кинозвезда – элегантный, остроумный, лёгкий. Вся Грязнуха смотрела на него с восхищением. И Ольга. Поначалу. Но однажды Сашок показал ей серенькую тихую женщину:

– Это Вера Харченко, – он говорил так, словно она была знаменитостью.

Веру действительно в посёлке знали. Это её работа стала основой докторской диссертации Беридзе, принесла ему звание лауреата Государственной премии, академика. Вера же оставалась кандидатом наук, младшим научным сотрудником. Ольга не поленилась почитать её работу – она была обычной, скромной. Но Беридзе сумел придумать ей пышное название с громким добавлением «открытие нового эффекта». В таком оформлении, подкреплённая могучими пробивными способностями Беридзе, работа принесла ему славу и обильный урожай титулов.

Уже двадцать пять лет Беридзе был директором института и почти пятнадцать – председателем Совета Директоров – верховной власти Академгородка. Он был настоящим хозяином Грязнухи – из его рук обитатели посёлка получали всё: учёные степени, должности, научное оборудование, квартиры, машины, дачи... Профком, работавший под рукой Беридзе, распределял мебель, продовольственные заказы, шубы и даже, бывало, импортное нижнее бельё – словом, он контролировал в посёлке всё, даже исподнее своих подчинённых. В Грязнухе он был почти Бог, который мог даровать жизнь или её отнять.

Грязнуха была как остров, связанный с большой землёй – Москвой тонким перешейком узкой дороги. Автобусы ходили переполненными – многие нужды гнали людей в Москву: ехали на вокзалы, в аэропорты, в магазины, к серьёзным врачам, в театры, в музеи. Подросшие дети ездили учиться. Ездили каждый день, мучились – ближнему Подмосковию общежития не давали. Энтузиасты вознамерились протянуть в Грязнуху электричку – легче станет добираться до Москвы.

– Да, легче, но это вызовет текучесть кадров... – воспротивился Беридзе. Он понимал – электричка, связав Грязнуху с большой землёй, положила бы конец её изоляции, а значит, его всевластию. Проект электрички похоронили.

– Женщинам негде работать! – возмутился однажды молодой профсоюзный активист, – не у всех научных сотрудников жёны годятся для работы в институтах, нужно создать в поселке альтернативное производство, например, фабрику мягкой игрушки...

– Альтернативное? – скривил губы Беридзе, – в посёлке могут быть только организации, подчинённые Академии Наук!

То есть ему. И постройку электростанции, так необходимой разрастающемуся посёлку, он не одобрил, поскольку она не будет подчинена Академии – Беридзе зорко охранял своё всевластие. И умело им пользовался.

В дальнем самом тихом конце Грязнухи среди сосен стоял его двухэтажный коттедж, в институт или в Москву его возила служебная Волга, а в институте его встречал огромный, светлый кабинет, к которому была пристроена комната отдыха с мягкими диванами, кухней и душем. В приёмной хозяйничала красивая секретарша Аня. Но с годами Беридзе вошёл во вкус и у Ани появились помощницы – молоденькие девушки из окрестных деревень. Отыскивать их было обязанностью помощника Беридзе Салюниса. Маленький, хрупкий, голубоглазый в светлых кудряшках, он сразу понравился Беридзе и быстро преодолел все положенные научному сотруднику рубежи – кандидатскую диссертацию, докторскую, остановившись в кресле заместителя директора института.

Научные темы Салюниса постоянно менялись, неизменно оставаясь в ранге особоважных. Под такую шапку Академия Наук давала немалые деньги – лаборатория Салюниса была наполнена новейшим заграничным оборудованием и рукастых пареньками, не склонными к пустым размышлениям. Пареньки выучились нажимать сверкающие кнопки и машины стали выдавали роскошные картинки, вызывавшие у Учёного совета неизменный восторг. Робкий Ольгин вопрос, прорвавшийся однажды, – что означает эта картинка? – вызвал единодушное порицание.

Пока сотрудники Салюниса занимались изготовлением картинок, сам он ездил в заграничные командировки, обычно вместе с Беридзе. После возвращения мужа домой жена Салюниса потрясала грязнухинцев ослепительными нарядами, роскошными шубами. Жена Салюниса тоже была обласкана Беридзе – защита её мгновенно изготовленной докторской диссертации прошла как по маслу и ради дамы было создано новое начальственное кресло – директор собрал в кучу девочек из вспомогательных лабораторий и назвал всё это пышно: аналитический отдел. А Салюнис тем временем нашёл в окрестных деревнях трёх девушек с крупными формами – Беридзе таких любил. Среди них быстро выделилась одна – которую Салюнис ласково называл Лидуша. Она была зачислена должность референта и помещена в приёмной Беридзе, потеснив сорокалетнюю Аню.

Лидуша, едва закончившая десятилетку, зачем-то ходила на заседания Учёного Совета и Салюнис хлопотал возле неё:

– Лидуша, здесь, кажется дует! Не пересесть ли тебе в другой ряд?

Сидевшая рядом с Ольгой подруга Лариса с отвращением смотрела на всю эту возню:

– Из-за этой девки Салюнис выселил меня из номера с видом на море, когда мы были на конференции в Одессе. Лидуше видишь ли не понравилось, что её окна выходят во двор!

Иногда Беридзе брал с собой в командировку красавицу Дашеньку, сидевшую в Ольгиной комнате. Муж же Дашеньки получал повышения по службе, большую квартиру в новом доме, машину... А вообще-то у Беридзе была жена – вторая или третья – даже осведомлённые грязнухинские дамы путались в счёте – волоокая и в общем не вредная красавица. К ней был приставлен молоденький научный сотрудник. Он и обеспечивал ей требуемую по правилам научную работу и на Учёных Советах выступал вместо неё. Голоса мадам Беридзе не слышал никто, хотя была она научным сотрудником, кандидатом наук.

На Ольгу Беридзе обратил внимание только однажды – они ехали на конференцию в соседних купе – Ольга с Валечкой и Беридзе с тремя секретаршами. На Ольге был новый спортивный костюм, туго облегавший фигуру. Беридзе оглядел её внимательно, ласково улыбнулся, помогая выйти из поезда подал руку ... В Ольгиной войне с Липманом Беридзе участия не принимал – он был уверен в своём могуществе.

Грязнуха жила как вотчина Беридзе, населённая его крепостными. И крепостные смирились со своей участью. Беридзе, как бы он ни был плох, был свой, привычный. К нему привыкли, как привыкает человек к тяжёлой хронической болезни, избавиться от которой невозможно. Привыкли относиться к нему как к хозяину их жизни. Это был синдром заложников, успевших сродниться со своим мучителем, бросающихся на своих спасителей как на врагов. Вот так и к Ольге относились – как к чужой. Она ломала привычный строй их жизни, заставляла напрягаться, рисковать... От всего этого грязнухинцы отвыкли. Разучились.

Во время войны с Липманом Ольга бросалась на предававших её, молчавших коллег:

– Почему вы так боитесь Беридзе? Только в Грязнухе, в этом странном мире, изолированном, замкнутом он – фигура страшная. На самом же деле он никто, карлик! А вы похожи на мышей, для которых страшнее кошки зверя нет...

Коллеги опускали головы и молча уходили и только однажды её бывший сотрудник Гоша Мельников, ставший одним из верных соратников Салюниса, сказал зло:

– Вы вот выступаете всё время против Беридзе, а, небось, если он Вас пальчиком поманит, так к нему побежите. Все побегут...

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Конкуренты не нужны были Беридзе. Он хотел управлять Грязнухой единолично и потому быстро набиравший силу Красовский становился его врагом. Это была большая война. В неё была втянута вся Грязнуха. Красовский, вечно пропадавший в Москве, сумел стать членом-корреспондентом Академии Наук. Его отдел разрастался, поглотив почти половину института, и Беридзе принял меры – Красовского стали зажимать по всем статьям. Красовский принял ответные меры – стал проводить дни и ночи в Президиуме Академии, выбивая свой собственный институт. Какой?

– Да не всё ли равно, – отмахивался Красовский, – подо что дадут деньги, такой флаг и выбросим!

Деньги дали под электронику. Такая в то время шла кампания в правительстве – электронизация всей страны. Новые институты вырастали как грибы. Их притыкали в подвалы, в здания школ. Набирали сотрудников, ставили им письменные столы... На этом дело останавливалось. Но финансирование шло. Главой нового отделения информатики, взявшего под крыло всю эту возню стал академик Велихов – могучий асс в деле дворцовых интриг.

Красовский нашёл с ним общий язык и новый институт с длинным и туманным названием был учреждён. Дальше всё пошло по известной схеме. Красовский, получив от Академии огромные деньги, такие же огромные, как некогда для очистки всей Периодической системы Менделеева, спешно выстроил новое здание и принялся набивать его дорогим оборудованием.

Вычищенные неизвестно зачем кристаллы зря пылились по лабораториям и никому не пришло в голову посчитать, сколько денег было зарыто в землю. Чистильщикам ясно намекнули, что теперь они не главные, Красовский надёргал по электронным институтам не очень грамотных, но шустрых молодых людей, которые знали нужные слова, и вознёс их на самый верх – им дали высокие должности, хорошие квартиры... На Ольгу и даже на прежде особоважного Сашка они поглядывали свысока. Ольга попыталась объяснить Красовскому: её работы – база для микроэлектроники, но он прервал разговор, чтобы вызвать к себе нового завлаба по новой, правильной тематике.

Собственный институт и громкое название темы давали Красовскому возможность претендовать на звание действительного члена Академии Наук. Он совсем перестал бывать в Грязнухе: быть или не быть ему академиком решали не его работы, а благосклонность уже состоявших членов академии – её-то Красовский и добывал в Москве. А мнения Ольги или Сашка никто не спрашивал, они были в Академии последними людьми – сидели по своим лабораториям, что-то там работали... Своё Грязнухинское хозяйство Красовский поручил заместителю Солдатову. Непонятно как ставший кандидатом наук он был предан Красовскому как раб. Устройство нового института стало делом его жизни. Он работал до болезней, до упада. На заседаниях Учёного совета Солдатов лично демонстрировал модели чепчиков и тапочек, предназначенных для тех, кто будет работать в чистых зонах – больше он ничего не мог. Он цеплялся за слово «чистый» как за мостик, соединявший его прежнюю яростную преданность очистке, превращая её в столь же самоотверженную преданность неожиданно грянувшей электронике. Самих чистых зон пока не было. И всё Грязнухинское хозяйство хирело, так и не успев стать толком на ноги.

В сущности, никто не знал, чем заниматься, от всех требовалось одно: как-то присобачить словечко «электроника» к названию своей работы. Все исхитрялись как могли. Но тень прежде такой раскрученной, особоважной, а ныне похороненной очистки накрывала сырое, непросохшее здание печальной серой пеленой, укрощало прыть рвущихся к новой славе.

Институт напоминал мертворождённого младенца, которого родитель по какой-то своей некрасивой выгоде пытается принарядить и нарумянить, чтобы выдать за живого.

Редкие визиты Красовского в Грязнуху были короткими и печальными. На заседаниях Учёного Совета он пытался говорить бодрым голосом, но все видели как он осунулся и побледнел.

– Не пройти ему в академики, он не сволочь как Беридзе, – говорил Сашок.

И Ольга соглашалась:

– Да, он мужик порядочный, тем более по меркам Академии... – Всё-таки Красовский сколько-то ей помогал, а его вялая, пассивная благосклонность была ей хоть и слабой, но защитой.

На академических выборах Красовский провалился. Когда он явился после провала грязнухинцы не узнали его. Бог знает, что там делали с ним академики, чем терзали, но его лицо пожелтело, глаза ввалились. Вскоре его положили в больницу и по институту поползло зловещее словечко «рак». Болезнь справилась с ним за два месяца. А после похорон в директорское кресло сел его заместитель – человек Беридзе. Его обязанностью при Красовском было информировать Беридзе о ходе дел в новом институте.

МЕСТО ЧЁРНОЕ, ГИБЛОЕ ...

Это оказалось очень вредно для здоровья – работать в Академии Наук. Особенно в Грязнухе. То ли были тому виной окрестные болота, то ли институты, забросавшие посёлок ядами, но народ болел. Потомственный житель этих мест, механик Игорь, страдая почками, ворчал как дед:

– По берегам речки Грязнухи люди никогда не селились. Жить тут плохо – низина, болота, топи... Всегда тут был глухой, нежилой край – чёртов угол. И деревни вокруг Черново, Чёрное... На Руси чёрным хорошее место не называли. И дороги издревле обходили этот край стороной, далеко от него пролегали. Я читал – жильё тут появилось в лихие времена, при татарском нашествии, чтобы укрыться людям в гиблых местах от ещё более страшной беды – татарского ига. Даже монастырь недалеко отсюда поставлен в память разбойника его дружками, которых он не выдал в пытках. Неважная история у этого монастыря. Большевики в нём сумасшедший дом устроили. И до сих пор он тут. Тут психам самое место. Или алкашей сюда высылать. А учёных-то за что сюда сослали?

В Грязнухе знали – сослали потому, что неподалёку был полигон, где испытывали оружие. Для полигона место тут было подходящее – нежилое, бросовое. Уже потом приткнули поближе к полигону военный институт, от него пошёл Академгородок – так было проще начальству. А как жить в болотах научным сотрудникам – талантливым и хилым – начальству наплевать.

Камни в почках становились фирменной болезнью Грязнухи, в посёлке была плохая, рыжая от ржавчины вода. Это даже стало темой новогодних капустников, герой которых Человек-Гвоздь, рассказывал в стихах, как стал он от грязнухинской воды железным. Но дальше шуток дело не пошло. Прихватило и Сашка. В больнице перепутали, какую почку ему вырезать. К счастью он, ещё не успев уснуть от наркоза, сам исправил ошибку. Соседу по лаборатории Мите Данченко повезло меньше – врачи ошиблись в диагнозе и, разрезав почку, вместо камня обнаружили рак.

Больницу в посёлке построили новую, красивую, с просторными двухместными палатами и зимним садом.

– Полы у них паркетные, да врачи анкетные. И самый важный пункт в анкетах – пятый, – шутили грязнухинцы. И тут ограничивались только шутками. Грязнухинцы предпочитали смиряться с любым злом, нежели пытаться его исправить. Должно быть, окрестные болота высасывали из них волю к сопротивлению...

Однажды Ольга привезла в Грязнуху сына – отдышаться от московского смога. Но среди весёлого весеннего леса он стал задыхаться.

– Аллергия, – объяснил врач Скорой помощи, – у нас весной астматический бронхит – дело обычное.

В поликлинике сделать ингаляцию не удалось – лекарство кончилось.

– С утра налили полную и уже всё ушло, – сокрушалась медсестра, указывая на огромную бутылку, – пациентов много.

Ольга поговорила в институте с женщинами. У этой ребёнок кашлял каждую весну, и у той...

– Увозите сына из Грязнухи, а то станет хроническим аллергиком, – посоветовал врач, – куда угодно увозите, хоть в соседнюю деревню, хоть в грязную Москву, и то легче будет.

И у Ольги после клубники, съеденной в Грязнухе, пошли по лицу красные пятна, в Москве такого не было. Она пошла к главному врачу больницы.

– В Грязнухе нет ничего особенного, – он говорил назидательно, свысока, – аллергия – болезнь века.

В коридоре возле кабинета главврача к ней подошла девушка, извинилась, что услышала разговор через неплотно прикрытую дверь.

– Здесь не только аллергия. В Грязнухе рак просто косит народ. Я только что маму похоронила, ей сорок восемь было. Рак груди. Она говорила, что в Грязнухе у каждой десятой женщины рак груди. Просто скрывают эти цифры. Почему здесь так плохо?

И Ольга вспомнила, что рак убил Красовского, рак свёл в могилу зама Беридзе Коробкова, который уговаривал её не воевать с Липманом, и главбух умер от рака, и муж библиотекарши... Всем им было около пятидесяти.

Ольга попыталась поговорить с теми, кто мучился сам, у кого болели дети.

– Отчего здесь так плохо? Может, виноват биологический институт? Говорят, он мёртвых животных после опытов на открытую свалку выбрасывает... Может, нужны очистные сооружения на нашу вентиляцию? Мы с такой дрянью работаем! Давайте обратимся в санэпидстанцию, пусть разберутся. Давайте сами разберёмся, мы же физики, химики...

Физики и химики молча пожимали плечами, морщились:

– У нас всё нормально, не хуже, чем в других местах!

Или сердились:

– Ты – мастер наживать себе неприятности.

Или улыбались.

– Жить вообще вредно.

УВИДЕТЬ ПАРИЖ И НЕ УМЕРЕТЬ

С началом перестройки за рубеж стали ездить не только директора, но и прочие мелкие научные сотрудники вроде Ольги и Сашка. Нет, валюты для них в Академии по-прежнему не было, но если иностранные коллеги соглашались за них платить, то Академия поездке не препятствовала, а даже покупала им билет, оформляла визу и выдавала иностранный паспорт – синий, служебный, и почему-то каждый раз новый. Этим занимался в Академии аж целый отдел, который назывался выездным. Сашок уехал на месяц в Швецию, написал одну статью в соавторстве с тамошним боссом, осчастливив его: одна статья – нормальная годовая производительности неторопливой шведской лаборатории. Ольгу приглашали часто, её работы, как оказалось, знали.

Первая международная конференция, куда попала Ольга, была в Праге. Председатель оргкомитета явился на заседание в чёрной еврейской шапочке, прикрепленной женскими заколками к курчавым тёмным волосам. Он обнял Липмана как родного, на Ольгу внимания не обратил. Открывал конференцию большой доклад Липмана – на экране высветилась неправильная формула. Зал почтительно замер, потом долго рукоплескал. А Ольге слова не дали. Всё было как в СССР. И Ольга было загрустила, но тут к ней подошла нарядная худенькая женщина – профессор из Франции по имени Лоранс – и предложила вместе пройтись по Праге. Лоранс была отличным гидом, в Прагу она приехала в восьмой раз и вообще объездила весь мир. Кроме России...

Вскоре Ольга получила приглашение поработать в Парижском университете в чине профессора. Целый месяц.

– Как я тебе завидую, – сказала подруга Лариса, – я так понимаю того, кто говорил: увидеть Париж и умереть!

А сотрудница Сашка Элла, оторвавшись от своего обычного занятия – изготовления выкройки для платья, посмотрела на Ольгу презрительно:

– Не стыдно тебе ехать за границу такой оборванной?

Ольга возмутилась:

– Стыдно должно быть Академии, которая держит нищими своих профессоров, и правительству, опустошившему магазины.

Горбачёвская перестройка вымела даже московские магазины до абсолютной чистоты. Устроив ревизию своим нарядам Ольга ужаснулась и пошла на поклон к соседке, работавшей заведующей в универмаге. Та приняла её с величием королевы, принимающей ничтожного просителя, и заломила такие цены, что профессорской зарплате были не под силу. Пришлось уехать в одном костюмчике и в старых туфлях.

Лоранс встретила её в аэропорту Руасси и сразу достала из бумажника тысячу франков. Ольге стало стыдно, но Лоранс улыбнулась:

– Всем известно, что из Советского Союза люди приезжают без денег.

Лоранс усадила её в свой новенький «Пежо», объяснила: свой большой автомобиль «Ситроен» для городских поездок не годится, его трудно парковать. Лоранс сняла для гостьи квартиру в старой части Парижа, у приятеля – бывшего профессора знаменитого университета Сорбонны. Винтовая деревянная лестница, круглая лестничная площадка, вогнутые, чтобы не нарушать округлости, двери квартир – всё тускло поблескивало красным деревом... А в квартире – лепнина высоких потолков, мраморный камин и странные узкие балкончики – только для цветов. За окном в синем апрельском небе плыл белый купол собора Сакрэ Кёр – Монмартрский холм был рядом. Проводив Лоранс, Ольга вышла на улицу. В её кармане лежал ключ от парижской квартиры, вокруг был самый центр Парижа... Она ходила по улицам, не чувствуя усталости. Прогулку пресекли старые туфли – они развалились. Сапожник посмотрел на туфли, потом на Ольгу, вздохнул, вбил два гвоздя и отверг протянутые деньги. Должно быть, он решил, что перед ним нищая.

Утром по дороге в университет Ольга удивлялась обилию людей с чёрной и жёлтой кожей и мощной как ветер вентиляции и музыке, включившимся, когда состав остановился в тоннеле метро. За городом поезд вдруг вынырнул на поверхность и пошёл как электричка. О французах заботились, оберегая их от хлопот с пересадкой, от неприятного испуга в духоте и безмолвии подземелья. И вечером она удивлялась – обилию мусора в метро, обилию еды в подземных магазинчиках – пирожных, клубники... И жалела, что такое пропадёт, если не успеть продать. И в университете удивило обилие дам – профессоров, сотрудников – на инженерном факультете. И аспиранты у Лоранс были странные: смуглая девушка-алжирка, инвалид на костылях и странный парень с серёжкой в ухе. Ольга не знала, что это означает, в Союзе такого не было.

– Он гей, – объяснила Лоранс, – спасибо, что есть такой, в науку молодые не идут, да и мужчины тоже, работа трудная – высшая математика, теоретическая физика, а платят нам скромно...

Ольге её плата скромной не показалась. За один месяц она могла бы купить машину. Но деньги, данные в аэропорту Лоранс, быстро кончились, пришлось занять у алжирской аспирантки, удивившейся немало профессору без денег.

– Обычно приглашённому профессору переводят деньги на его банковский счёт после окончания работы, – объяснила Лоранс и отправилась в бухгалтерию втолковывать, что советским профессорам деньги нужны пока они в Париже. Ольге выдали аванс.

И проблемы у французских учёных были странные. Как-то утром Ольга застала весь факультет в слезах. Оказалось, что меняя по весне разметку на площадке для парковки машин, рабочие ошиблись, и мест для парочки автомобилей не хватило. Сотрудники пачками глотали успокоительные таблетки. Французских учёных слишком баловали. Факультетская столовая походила на отличный ресторан, а обед с салатом, красной рыбой, фруктами и даже маленькой бутылочкой вина, не считавшейся предосудительной в рабочий полдень, стоил как кофе с бутербродом в городе. Университет оплачивал часть питания своих сотрудников, у каждого была специальная пластиковая карточка, и Ольге выдали такую.

В честь приезда русского профессора Лоранс решила устроить дома ужин, пригласила своего босса, единственного мужчину в лаборатории. Решила неожиданно. Ольга ушла из университета пораньше и бросилась по магазинам. Ей предстояло решить нелёгкую задачу – одеться для парадного ужина с французскими профессорами и не выйти за пределы скромной

суммы аванса. Хорошо, что бедная аспирантка из Алжира подсказала ей адреса дешёвых арабских магазинов. Зайти домой переодеться Ольга не успела, переоделась в примерочной в только что купленное, оторвала этикетки, засунула старый костюм в камеру хранения Северного вокзала.

Ольга любовалась просторной квартирой Лоранс, огромной гостиной, удобным кабинетом... Всё это сильно отличалось от её московской каморки, хотя научные достижения Лоранс были куда скромнее Ольгиных.

– Мы смогли купить такую квартиру, ведь моя жена профессор, – муж Лоранс говорил с гордостью.

Лоранс старалась как можно лучше показать госте свой родной Париж, Версаль...

И в Лувр они пошли вдвоём. Ольга заплатила за билет немалую сумму, Лоранс прошла, показав какой-то документ – профессора имели право бесплатно посещать музеи, принадлежавшие государству – Франция ценила своих профессоров. Кроме культурной программы была и рабочая – Лоранс устроила Ольгины лекции в трёх лабораториях. И во всех трёх в кабинетах начальника висел портрет Эйнштейна. То ли французы почитали его больше других учёных, то ли во французские завлабы допускались только те, кто его почитал? Ольга старалась не обращать внимания на дебилную физиономию с высунутым языком. Она отдыхала от постоянной грязнухинской войны – работала. Взяв в оборот всех аспирантов Лоранс, заканчивала первую совместную работу, начала вторую...

Но кроме совместных работ её гостеприимные хозяева хотели и другой награды – поездки в Москву. Правила этикета научного сообщества предписывали: пригласили тебя – пригласи ты. Такой вот получался туризм за казённый счёт. Начальник французской лаборатории, где работала Лоранс, послав Ольге приглашение, немедленно купил путеводитель по Москве и теперь хотел Ольгиных комментариев. Но Ольга мало чем могла помочь, профессор изучил путеводитель столь основательно, что мог работать гидом. Кажется, это было особенностью французов, или только учёной их части – к путешествиям и вообще к развлечениям они относились серьёзно, как к работе.

– Я поеду в Москву первой, он потом, – непреклонно заявила Лоранс. С начальником она держалась независимо. И прочие сотрудники тоже. – Моя зарплата не зависит от него, – объяснила Лоранс, – я вообще могу его послать, мне не убавят ни франка.

Грязнухинского раболепства у французских учёных не наблюдалось. Разве что у эмигрантов.

Перед отъездом Ольги Лоранс устроила домашний ужин для иностранных сотрудников лаборатории. Венгр, хорват, поляк наперебой хвалили всё – Лоранс, французский сыр, своих профессоров... А жена поляка хвалила ещё и свою квартирную хозяйку, великодушно позволившую квартирантам пользоваться своими ложками и вилками, своими ложками за три года жизни в Париже они не обзавелись. Ольга примеряла жизнь эмигрантов на себя и думала: она бы так не смогла.

И хозяин её квартиры как-то раз заговорил с ней об этом – об эмиграции, он иногда вечером приглашал Ольгу к себе – в квартиру этажом выше, нижнюю квартир у он купил для дочери. Профессор всегда встречал её в элегантном костюме с платочком в нагрудном кармашке. Его жена варила кофе, а старик угощал Ольгу своим любимым портвейном, который он называл «порто».

– Я не разбираюсь в политике, – говорил он, – но, по-моему, есть только два типа стран: в одних люди хотят жить, в других – нет. И Ваша страна относится, извините, ко второму типу.

В Москву она привезла полный чемодан подарков, не сувениров, а вещей простых, насущных – одежду, обувь... Тут были даже сыр и зубная паста. Перестроечная Москва стояла голёхонькая. В гастрономе она простояла в очереди час, но купила только перекишенный кефир в бутылке со вздутой крышкой. Масло, сыр и молоко уже кончились. Ольга вспомнила, как продавщица парижского магазинчика обычно спрашивала её: – Какой Вам дать йогурт – клубничный, ананасовый? – Вспомнила и чуть не заплакала. Если бы сейчас кто-нибудь предложил ей работу во Франции, она бы не колеблясь согласилась.

СООБЩЕСТВО ПОСТРАШНЕЕ БАНДИТСКОГО...

За перестройкой грянула демократия. Липманы воцарились по всей стране. Ольга думала: если бы её товарищи помогли ей справиться с ним, поддержали, то не было бы теперь Чубайса. Но товарищи не поддержали, струсил. Теперь расплачивались – погружались в нищету. Зарплаты не хватало даже на самое простое – еду, квартплату... Народ стал разбегаться. Механик Игорь ушёл ремонтировать автомобили, лаборантка – торговать мороженым. Инженеры уходили в челноки, в строители коттеджей для богатых. Учёный народ поехал за рубеж.

Демократия работала как сепаратор, разгоняя одних наверх, где сливки, других – на самое дно. Грязнухинское общество, и без того рабовладельческое, ещё резче расслоилось. Пышным цветом расцвели таланты Коли Девяткина. Он взял под своё начало аренду опустевших помещений. В арендаторы была произведена половина института – компьютерщики, типография, стеклодувы... Коля купил себе японский автомобиль, отправил дочь учиться в Англию. Потом он взялся за информатизацию института, достал где-то левые компьютеры и на Учёном совете победно доложил о сэкономленных миллионах

Вскоре на окраине Грязнухи он выстроил себе трёхэтажный дом с сауной в подвале. К нему пристроили дворцы другие успешные грязнухинцы: известный академик, директор рынка...

– Учись как прибирать к рукам деньги института! – мрачно шутил Сашок.

А тихий Ваня Зверьков, сумевший сохранить наивность до пенсии, удивлённо спрашивал:

– Да откуда же взять денег в институте? У нас же ничего нет – оборудования не покупают, зарплат не платят...

Но Коля знал, откуда взять. И не он один – главбух купил в Москве квартиру, заместитель директора по общим вопросам открыл свой магазин. А заместитель по строительству неведомо зачем начал строить в опустевшем институте новый корпус. Потом всё прояснилось: он построил сыну дом в Америке. А проверяющим показывал заложенный фундамент, собственноручно разметая веничком укрывший стройку снег – нелегко проверить, сколько денег на самом деле зарыто в землю. Бывший невидный научный сотрудник Клоцман договорился с бухгалтерией платить сотрудникам зарплату через пластиковые карточки. Он основал свой банк и выстроил свой коттедж рядом с Колиным. Грязнухинцы тихо возмущались и громко восхищались:

– Девяткин молодец, – говорила Элла, сотрудница Сашка, – надо пользоваться, пока есть возможность! – И обращалась к Ольге: – А ты всё борешься... И чего добила? Живёшь хуже всех – квартира плохая, машины, дачи нет, и получаешь меньше всех...

Элла была вполне довольна новой жизнью – торговала косметическими средствами какой-то иностранной фирмы, подрабатывала массажисткой... Её клиентами были исключительно евреи.

– У русских денег нет! – презрительно морщилась Элла, – Да если бы и были... Еврей вспоминает о своём здоровье за три дня до болезни, а русский за три дня до смерти.

И хотя грязнухинцы предпочитали не ссориться не только с начальством, но и с товарищами, Ольга напала на Эллу сурово, жёстко... Элла с рыданиями выскочила из комнаты, оставшиеся посмотрели на Ольгу с осуждением – она испортила чаепитие.

Капитализм понравился не только дирекции. Один из шустрых мальчиков, привезённый откуда-то Красовским под флагом электроники, принялся распродавать оборудование, которым туго была набита его лаборатория, несмотря на щедрые вливания так и не ставшая флагманом советской промышленности. В своём крыле института он отремонтировал по евростандарту туалеты и тут же запер их на замок, выдав ключи только своим сотрудникам.

– Это справедливо, – отбил он критику, – мы зарабатываем деньги. Почему мы должны делиться с теми, кто этого не делает, ленится?

Дирекция на него молилась, на прочих сотрудников цыкала:

– Он оплачивает счета всего института за электричество. Если бы не он, вы бы сидели без света и тепла.

Когда свои приборы кончилось, лихой паренёк познакомился с начальством грязнухинского экспериментального завода, погнал их продукцию в Китай. И чтобы поскорее сбыть добро с ценой продешевил. Рабочим завода зарплату не заплатили, но сам он внакладе не остался, и дирекцию утешил. А вскоре он полностью переключился на иностранцев. В так и не

осуществлённых проектах советской электроники зря пропадала масса технологий. Он попытался продать одну из них военному ведомству США. Но тут вмешалась ФСБ, пообещав в случае успешного осуществления проекта посадить автора в тюрьму годков на пять.

– Наука стала работать под девизом: «Какая разница, что делать? Лишь бы платили!» Как наркомафия, – ужасался Ваня Зверьков. Он верить не хотел, что под таким девизом наука работала всегда.

И Беридзе быстро освоился в рыночной среде. В сущности, он жил в ней всегда, успешно конвертируя ценности духовные – знания, добытые его сотрудниками, в материальные ценности для себя. Но с приходом капитализма он развернулся: добыл себе здание в Москве, бывший детский садик. Детишек выгнали, дом отремонтировали по классу люкс. Беридзе назвал его представительством грязнухинского института, но что там делали, никто из грязнухинцев не знал. Однажды Салюнис – начальник московской территории, позволил Сашку принять там немецкого профессора. Сашок вернулся удивлённый – в детсаду о науке ничто не напоминало: шкафы с сервизами, мягкие диваны... А в ванной комнате – женские тапочки, махровый розовый халатик.

Демократия подействовала на Грязнуху как старость на тяжелобольного – болезни обострились, проявились язвы... Смена власти приоткрыла причину тесных отношений Салюниса с Беридзе. Отец Салюниса сражался вместе с «лесными братьями» против советской власти. При коммунистах это обстоятельство могло сильно испортить сыну жизнь. И Беридзе, знавший тайну, использовал её как крючок, на котором накрепко сидел Салюнис. Но для демократов воевавший с коммунистами был почти героем, и власть Беридзе над Салюнисом ослабла. Их отношения испортились. Грязнухинцы шептались: Салюнис угрожал Беридзе, кричал. Все понимали: Салюнис выполнил немало деликатных поручений академика, знает много... И тут Салюнис умер. Вдруг, неожиданно после утренней пробежки – он очень берёт своё здоровье, в свои пятьдесят выглядел на сорок. Грязнуха избегала обсуждать причины странной смерти Салюниса. Едва похоронив, его забыли, а его вдова, не мешкая, вышла замуж за академика, приближённого Беридзе.

Откуда Беридзе узнал про «лесных братьев», никто не спрашивал. Те, кто хоть немного пытался разобраться в грязнухинских порядках, догадывались: Беридзе собирает информацию о своих сотрудниках. Говорили, он даже записывает на магнитофон их разговоры. Сашок однажды в приёмной у Беридзе нечаянно услышал свой разговор с приятелем. Выходит, в институте существовала прослушка? А многим нравилась манера Беридзе помнить мелкие детали частной жизни своих сотрудников. Все умилялись: академик так внимателен к простым людям! Но Ольга думала, что если и делал это академик, то делал зря, опасаться ему было некого – в Грязнухе жили его рабы.

Липман со товарищи основал физическое общество. Ваня Зверьков – физик от бога, добывавший на старенькой установке уникальные результаты, отправился на заседание, прельстившись словом «физическое». Вернулся Ваня в шоке – обсуждалось, как уходить от налогов при издании научной литературы, чтобы получать побольше денег.

– Они же вроде учёные, – изумлялся Ваня, – а рассуждают как бандиты.

Ольга улыбнулась:

– В мире существует сообщество страшнее бандитского: это сообщество учёных.

Ваня посмотрел на неё с ужасом.

– Ты так страшно говоришь... Ты правда так думаешь?

А Ольга его утешила:

– Это не я так думаю, а Нильс Бор.

МНЕ НАПЛЕВАТЬ НА СТРАНУ!

Он работал в военном институте – самом главном, самом первом в Грязнухе. Занимался делами такими секретными, что даже имя его мало кто знал. Ему было легче, чем прочим: он не очень зависел от грязнухинского начальства, его разработки брали космос, военка... О его успехах узнавали из теленовостей – космические запуски, старты ракет... К пятидесяти годам он получил собственную лабораторию. Но с приходом демократии всё изменилось: один за

другим стали исчезать его заказчики, а с ними и деньги. Его заработка уже не хватало на еду. Ему одному. А у него была семья.

Но он не жаловался. Донашивал старую одежду. Ночами просыпался от новых мыслей. А рано утром шёл в институт, чтобы поставить опыт. Его сотрудники ушли кто торговать, кто сторожить. Он остался один. Но он не прекращал работать, всё делал сам – за инженера, за механика... Результаты прятал в стол. Надеялся, что пригодятся.

Однажды вечером на лесной дорожке Ольга нечаянно стала свидетельницей семейной сцены: жена нещадно ругала его за нищету. Слова «дурак», «тюфяк» были самыми ласковыми. И хотя вмешиваться в семейные ссоры – последнее дело, Ольга не выдержала, пожалела его – блестящего, талантливого.

– Не его вина, что он так мало зарабатывает. Вся страна теперь так живёт!

– А мне наплевать на страну! Мой муж должен приносить деньги пятого и двадцатого, и такие деньги, чтобы на них можно было нормально жить. Где он их возьмёт, мне всё равно. А если он не может обеспечивать семью, зачем он нужен?

– Жена права, – сказал он, доставая валидол, – жить не на что. Ведь мы оба – грязнухинские научные сотрудники.

Он уволился, нашёл работу где-то далеко от Грязнухи. Вставал в шесть, возвращался ночью. Но там хорошо платили. Его жена, забыв о ссоре на лесной дорожке, хвасталась Ольге то новыми сапожками, то шубой. Она осуществила свою давнишнюю мечту – выстроила на дачном участке новый дом.

– Живём нормально, так все теперь живут, – улыбалась она, – если хочешь зарабатывать, приходится крутиться.

И он похвастался однажды:

– Наградили орденом. За старые заслуги. Сам министр вручал.

– И ты взял этот орден? – возмутилась Ольга, – не бросил его министру в физиономию?

Он глянул удивлённо, опустил голову, отошёл.

Частная лавочка, в которой он работал, из старья делала левые запчасти для самолётов. Космические технологиигодились, чтобы детали выглядели как новые. После того, как разбился самолёт, где стояли его запчасти, он стал пить.

А его жена затеяла в квартире евроремонт. Но закончить не успела. Он умер от инфаркта прямо за рулём своей новенькой иномарки.

ЭЛИТНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

Должно быть, грязнухинские войны не прошли для Ольги даром, чувствовала она себя неважно. В московской академической поликлинике номер один, элитной, только для академиков и докторов наук её перепихивали из кабинета в кабинет, разводили руками, жаловались, что за приём одного пациента им начисляют три рубля. Предложили лечь в академическую больницу на обследование. Места пришлось ждать, больница прежде всего брала тех, кто платит. Условия тут были царские – двухместные палаты со всеми удобствами, парк вокруг... У входа – дорогие иномарки врачей. В красивом вестибюле с сияющим паркетом Ольге встретился старенький академик, известный по телепередачам, медсестра вывозила его на прогулку в кресле, а он тем временем жадно разглядывал порножурнал.

Утром в палату реанимации вошёл розовощёкий улыбающийся доктор.

– О, какие у нас пациентки! – он присел на край Ольгиной кровати и смачно поцеловал её в губы. – Будем знакомы, я – Марк Ефимович!

Ольге захотелось встать и уйти, но её рука была привязана в капельнице. Диагноза ей поставить так и не смогли. Так и выписали полуживую.

В ту осень в Питере слёг с инфарктом профессор Соколов. Но в больницу его положили не сразу. Врач академической поликлиники не нашёл в кардиограмме ничего опасного. Тогда профессор, чувствуя, что дело плохо, пошёл в библиотеку, взял медицинский учебник и расшифровал свою кардиограмму сам.

– Да, инфаркт, – удивлённо сказал академический врач, разглядывая подчёркнутые карандашиком места на кардиограмме. Соколова срочно отправили в больницу.

Ольга засобиравалась в Питер, понимая, как плохо ему, одинокому, теперь. Академическую гостиницу в Питере, как и в Москве, кто-то уже приватизировал, цены подскочили, а институт в Грязнухе платить не мог, денег не было. Ольга поселилась в квартире Соколова. Ночью ей стало плохо. Скорая помощь привезла её в районную больницу. В приёмном покое на полу смешались кровь и грязь – на улице шёл дождь. Древняя старуха–врач осмотрела её, не вынимая изо рта сигарету, сказала, вроде извиняясь:

– Не могу не курить, на войне привыкла. Молодые не идут работать, врачам платят мало, – и буркнула сердито: – Кто же тебя до такого довёл? Теперь придётся резать...

На следующий день после операции приехал муж. Ему пришлось бегать в две больницы – к ней и к Соколову. Муж с ужасом смотрел на скудную районную больничку, переполненные палаты, предложил перевести её в академическую больницу, там её могли бы положить в отдельную палату, как Соколова. Возможно. Хотя теперь, в условиях рынка... Решили оставить всё как есть.

После операции она поправлялась медленно. Врачи московской академической поликлиники опять разводили руками и только окулист неожиданно посоветовал поехать в академический санаторий в Кисловодск, погулять по горам, искупаться в нарзане... Для сотрудников академии и даже членов их семей, в Ольгином случае для мужа, полагалась скидка пятьдесят процентов. Почему бы и нет?

Санаторий стоял в сказочном месте – в сосновом лесу на вершине горы. В бухгалтерии без канители выписали путёвки.

– А мест нет, – вяло сказала старшая медсестра.

Ольга опешила, муж жёстко сказал:

– Но у нас же взяли деньги!

– Да вы не волнуйтесь, – так же вяло продолжила дама, – сейчас лето, самый сезон, поэтому места будут дня через два-три, а пока переночуете в комнате уборщицы. Кормить вас будут.

Старичок, приехавший вместе с ними, встретил известие об отсутствии мест абсолютно спокойно, сообщив, что последние годы здесь обычно заселяют таким манером – через комнату уборщицы.

– Вы здесь впервые, потому и шумите, а я езжу сюда уже пятнадцать лет, – старичок не скрывал своего превосходства, – в прошлом году меня поселили в палату только на четвёртый день...

Муж пошёл ругаться к главному врачу, пообещал подать в суд. Она набрала по мобильному телефону номер Управления делами Академии – выговаривала чиновнику сердито и грозно. Старичок набросился на Ольгу:

– Какие вы скандальные! Я – заместитель директора института, а и то веду себя скромнее.

Ольга посмотрела на него с интересом.

– Они же нас обманывают! А если мы будем с этим соглашаться, нас поселят в собачью будку.

Старичок равнодушно пожал плечами – собачья будка протеста у него не вызывала. Он бодро подхватил свой изношенный пионерский рюкзачок и пошёл устраиваться в каморку под лестницей.

Шум возле кабинета главного врача привлёк отдыхающих.

– У нас сроду такого не было! – испуганно бормотала старшая сестра, – никто никогда не протестовал, только вот эти... Какие-то странные!

Среди любопытствующих оказался знакомый из Грязнухи. После обеда он был в отличном настроении, от него пахло дешёвым местным вином...

– Грязнухинцы так себя не ведут, Вы нас позорите, – он говорил нравоучительно, он был уверен, что может разговаривать с ней тоном наставника, как хозяин здешних мест, Грязнухи, и вообще Академии Наук.

– Мы дадим вам две комнаты, а то там кровати узкие, прямо сейчас вас поселим, я отправила уборщиц домой пораньше, чтобы вы могли отдохнуть... – испуганно бормотала старшая сестра, вприпрыжку поспевая за ними.

Они провели ночь на одной узкой кровати, почти без сна.

– Ничего себе отдых получается, ну и гиблое же это место – Академия Наук, – ворчал муж и прикидывал, сколько денег имеет директор санатория, продавая места дважды. В клиентах

недостатка не было – в вестибюле среди отдыхающих они успели заметить немало людей богатой деньгами смуглой кавказской национальности.

В семь утра в их дверь тихонько постучали. Две уборщицы, перебивая друг друга, смущённо извинились, сообщили, что номер для них готов. Шествуя налегке вслед за женщинами, которые вызвались самостоятельно перенести их вещи вроде как в компенсацию ущерба, они наткнулись на дремлющего на скамейке вчерашнего старичка – пришедшая на работу хозяйка его комнатёнки потребовала освободить помещение.

– Умеете вы обдирать делишки! – злобно прошипел старичок им вслед и выпалил: – я приехал сюда отдыхать, а не трепать нервы!

Утром Ольга не пошла принимать нарзанные ванны – у неё разболелось сердце. А муж сказал своему врачу, что больше никогда не придет в этот санаторий. Полная армянка удивилась, разволновалась и долго убеждала его не принимать происшедшее близко к сердцу и непременно приезжать ещё – ведь санаторий всю зиму пустует. И осень, и весну...

В Москве в академической поликлинике было пусто. Только редкие старички и старушки тихо брели по коридорам – бледные, плохо одетые. Целый этаж уже был сдан в аренду коммерческой фирме. Зубной врач, к которому Ольга ходила десяток лет, не принял её, рассеянно сказал: Некогда! Выпроводил её в коридор, и лакейски улыбаясь, пригласил в кабинет роскошно одетого мужчину с властными повадками и толстой золотой цепью на шее. Ольге отправилась жаловаться к заведующей отделения. Старушка выслушала её рассеянно, промолвила:

– Знаете, сколько нам платят? Гроши! Один богатый пациент перекрывает нашу месячную зарплату. Вы что, хотите, чтобы мы опустились, как эти учёные. Приходят к нам одетые хуже бомжей...

Пломбу Ольге сделала молоденькая армянка, выписала огромный, на треть профессорской зарплаты счёт. Счёт полагалось оплатить в кассе. Под кассу переоборудовали врачебный кабинет.

ЖИДКОСТЬ, ПРИНИМАЮЩАЯ ФОРМУ СОСУДА

Отсидев сорок лет в директорском кресле, разменяв восьмой десяток, Беридзе заболел. Ему сделали операцию на сердце в Америке. Клинику выбрали самую дорогую. Платила Академия наук. Вместе с кардиостимулятором Беридзе привёз себе из Америки молодую жену. Энергичная американка, в отличие от предыдущей мадам Беридзе, дармовыми учёными степенями не прельстилась, зато принялась бодро скупать грязнухинские земли, что-то приватизировать...

Очухавшись, Беридзе собственноручно написал новые правила избрания институтских начальников. Правила позволяли ему остаться директором ещё на четыре года, хотя в Академии Наук был закон: директорское кресло полагалось покидать в семьдесят лет. Беридзе стал готовить себе в преемники верного мальчика. Беридзе долго уговаривал его принять директорский пост, и уломал только после того, как пообещал ему немедленно прибавить жалованье на одну тысячу рублей. Всего на одну. И хотя мальчику было под пятьдесят, все так и воспринимали его как мальчика. Мальчика на побегушках. И выглядел он как состарившийся лилипут. Имени его почти никто не помнил, что он делает в науке, никто не знал. Но стремительно и незаметно его обвешали всеми положенными директору регалиями: степенью доктора наук, званием профессора, члена-корреспондента Академии Наук... В авральном изготовлении докторской диссертаций будущего директора принимал участие его бывший научный руководитель по аспирантуре. Такого грехопадения даже привычная ко всему Грязнуха доселе не знала. Но приняла она событие как всегда – промолчала.

И в бывшем институте Красовского посажен был директором человек Беридзе – Витя Хохлов. Простой русский парень из Тамбова всегда восхищался великим академиком, всегда был послушен ему. Даже став директором Витя не перестал быть подчинённым Беридзе. Он командировал своего сотрудника в Америку, чтобы тот привёз из клиники в Россию полуживого после операции Беридзе. Но, освоившись помаленьку в директорском кресле, Витя начал Беридзе возражать. То ли русское безрассудство было тому причиной, то ли привычка

чувствовать за собой неподвластную Беридзе силу – Витя был комсомольским, потом партийным боссом института, имел высоких друзей в Москве.

– Беридзе же всё под себя подмял, – бушевал Витя, – я его сокращу!

Витя вступил в партию русских патриотов, завёл в своём директорском кабинете шкаф с литературой, которую продавали на митингах в Москве, сам написал книжицу о том, что неладно стало в стране.

– У тебя есть только талмуд, – хвастался он Липману, – а у меня талмуд с толкованием, у меня подборка лучше, я вас понять хочу...

И вдруг Витя запил. Как-то неожиданно, ни с того, ни с сего. В Грязнухе говорили, что спаивают Витю люди Беридзе. И что приохотили они его не только к водке. Семейный тихий Витя, всегда гулявший по Грязнухе со детишками, вдруг завёл любовницу. Его жена пыталась повеситься, переполошив всю Грязнуху. И другому научился у Беридзе Витя – он почти не бывал в Грязнухе, путешествуя то в Италию, то в Японию... На путешествия директоров в Академии наук были деньги даже теперь, когда научным сотрудникам не на что было купить еду.

– Не надо будет тратиться на отпуск, – смеялся Витя и оправдывался: – вон президент Академии Наук по полгода живёт с семьёй в Швейцарии на деньги Академии. А я что, хуже? – И злился: – Этого президента ещё на один срок переизбрали. Последний срок ему дали, чтобы покончить с наукой!

Получив звание члена-корреспондента Академии Наук, Витя напился так, что едва не замёрз в лесу. В Грязнухе говорили – Беридзе был против избрания Вити, поддержало Витю отделение математики. Туда Беридзе не был вхож

– В академию меня избрали русские! – шумел Витя на весь посёлок.

А Беридзе злился:

– Русский не может быть директором института. Все они – пьяные свиньи.

Беридзе говорил это среди своих, в узком кругу. Но трудно что-нибудь утаить в деревне. Вся Грязнуха знала любимую поговорку Беридзе: у русских всегда так – Иванов без штанов, Петров без дров. Он говорил так, когда пытались ему объяснить, что зарплата у сотрудников так мала, что им нечего есть.

Витя Хохлов даже на Учёные советы стал приходиться пьяным и грязным. Витю перевели в завлабы, в институте объявили выборы нового директора. Но голосовали в Грязнухе по лабораториям. Вскрыв ящик с малым числом бюллетеней, легко было догадаться, кто как голосовал. И имя победителя было известно заранее – место директора занял бывший Витин зам – Лёша Дулин.

Лёша приехал в Москву из маленького посёлка на Брянщине, сумел поступить в самый блестящий институт. Потому что математиком он был блестящим. Когда Лёша появился в Грязнухе, он был славным парнем – высоким, красивым, умным. И жена его Маша была славная, только изо всех сил рвалась она в грязнухинский бомонд, но это была, в общем, невинная слабость. Дулины были близкими друзьями Ольги.

– Я записала тебя на курсы бального танца, – как-то позвонила ей Маша. И, не обращая внимания на Ольгино недоумение, объяснила: – Жена Беридзе уже танцует. Её партнёр – сам учитель. Он просто очарователен! Его надо поддержать! Ему надо собрать в группу не меньше двадцати человек, а то он в Грязнухе не останется.

Партнёра для Ольги Маша нашла просто – она попросила ходить на танцы Лёшиного аспиранта. Робкий, застенчивый паренёк из провинции не осмелился отказать жене шефа. Себе Маша взяла в партнёры собственного механика – у этого бедняги и вовсе не было никакой возможности улизнуть. Маша не пропускала занятий и не упускала возможности поворковать с мадам Беридзе, не на шутку увлечённой танцором.

Ольге вся эта великосветская возня быстро надоела. К счастью, несмотря на Машины старания, курсы быстро рассыпались. Поговаривали, что Беридзе устроил супруге скандал, а танцора выгнал из Грязнухи.

– Это к лучшему, – утешала себя Маша, – мне некогда, помогаю Лёше стать доктором наук. Зачем Маше нужна докторская степень мужа было ясно – для продвижения в высший свет.

После Лёшиной защиты выступил сам Беридзе:

– Я хочу поздравить нового доктора наук, но ещё больше его жену Машу! – и он хихикнул. И весь Учёный Совет рассмеялся. И Лёша улыбался вымученно, жалко. Его исхудалая, сморщенная как у старика шея жалобно болталась в слишком широком жёстком вороте купленной заранее модной рубашки.

Вымученная докторская сломала Лёшу. У него ввалились щёки, согнулась спина, походка стала шаркающей, стариковской, хотя ему едва перевалило за сорок. На работу он ходил в жёлтых шерстяных носках, связанных старушкой-мамой.

– Ноги мёрзнут! – смущённо улыбался Лёша.

На банкете по поводу Лёшиной защиты был только высший свет Грязнухи. Беридзе не пришёл, но он прислал Салюниса. А это было уже немало. Маша хлопотала вокруг посланника босса, не зная, куда его посадить.

– Только благодаря Вам мы смогли устроить банкет как положено! – ворковала Маша. Накануне защиты Дулины получили огромную квартиру в новом, самом престижном доме Грязнухи. В этот дом попадали только самые близкие, самые преданные Беридзе люди. В спальне, затемнённой шторами, Лёша плакал, прижавшись к плечу Ольгиного мужа:

– Я хочу застрелиться, я жить больше не хочу...

Лёшу быстро сделали заместителем Вити Хохлова. В новом просторном кабинете он коротал свои дни за игрой в карты на компьютере. Когда входил посетитель, Лёша быстро выключал монитор и нетерпеливо ждал, когда тот уйдёт. Молодые ребята из Лёшиного отдела один за другим уезжали за границу.

– Ты хоть бы пальцем пошевелил, чтобы их сохранить, – выговаривала Ольга Лёше, – ты же заместитель директора. Прибавь им зарплату, дай им лаборатории. Ведь остаются одни старики. Пропадёт же институт!

– Да он уже пропал, – вяло отмахивался Лёша, нетерпеливо косясь на погасший экран компьютера. И отталкивал предложенные Ольгой газеты, книги: – Да не хочу я знать, что происходит в стране! Страна тоже пропала... – И жаловался вяло: – Никто ко мне не заходит! Наверное, потому, что кабинет мой далеко, в конце коридора...

Однажды Лёша задремал у компьютера с сигаретой и его кабинет сгорел. Но даже дремлющего Лёшу выводили из себя козни Беридзе.

– Беридзе отнимает деньги у нашего института, перетаскивает в свой, а нам велит платить только тем сотрудникам, которые сумели добыть грант, а остальных уволить. И всё этому Беридзе сходит с рук. Академия наук – абсурдное заведение... – И добавлял мечтательно: – Вот бы этого Беридзе убрать. Скинуться бы на киллера.

Ольга выражала слабую надежду, что изменить ситуацию сможет преемник Беридзе.

– Не сможет, – вздыхал Лёша, – чтобы Грязнуху изменить, надо институт Беридзе взорвать, в это место осиновый кол забить от нечистой силы, да ещё попа пригласить, чтобы кадиллом тут помахал...

Став директором института, Лёша переменялся до неузнаваемости. Он переоделся в дорогой костюм, снял жёлтые носочки... Первое, что сделал Лёша на новом посту, это уволил Солдатову, который командовал осколками уцелевших в Грязнухе коммунистов. Должно быть, Лёша догадывался – Витю убрали не за пьянку. Коммунисты раздражали Беридзе. За Солдатову никто не заступился. Промолчала даже его ближайшая помощница Лариса. Для неё Солдатовых выхлопотал когда-то хорошую квартиру, о своих сотрудниках он заботился.

– Почему же вы не заступитесь? – возмутилась Ольга. – Он столько сделал для института!

Лариса пролепетала, что боится увольнения. Ольга одна пошла к Лёше. Тот слушать её не стал, только промямлил хмуро:

– Нечего тут политику разводить.

И раздражённо набросился на неё:

– Толку от тебя никакого, ты не приносишь грантов. Не могу же я жить на одну зарплату!

И Лёша стал расписывать достоинства Липмана, получившего в Академии Наук грант. В запальчивости он даже назвал немалую сумму, которая досталась ему от этого предприятия. Ольга говорила ему о том, что она сможет получить грант только в том случае, если сменит фамилию. Гранты распределял Российский Фонд Фундаментальных Исследований. Но сокращение РФФИ научные сотрудники между собой расшифровывали как Российский Фонд Финансирования Иудеев... Гранты в Грязнухе имели Кац, Липман, Бельштейн...

Лёша слушать Ольгу не стал.

– Мне некогда, я помогаю получить гражданство нашему бывшему сотруднику Збарскому. Он уехал в Израиль ещё из Советского Союза, хочет вернуться. У него хорошие связи со всякими фондами. Вот он принесёт институту деньги, не то, что ты!

– Зачем Дулина сделали директором? – сердилась Ольга.

– Чтобы занять кресло. Кладут же в кресло шляпу, чтобы показать, что оно занято, – засмеялся Сашок. И, словно одумавшись, стал серьёзным: – По крайней мере, он не пьёт. И вообще он неплохой.

Лёша назначил Сашка заведующим лабораторией.

ВОДКОГРАД

В Грязнухе появились новые люди. Уверенные, хорошо одетые, они приехали на больших, дорогих автомобилях. За ними тянулся шлейф помощников, журналистов – слуг. В Грязнухе начали строить водочный завод. Оказалось, что кроме грязной воды, текущей по местному водопроводу, в этих местах есть и кристально чистая вода. Её-то и пустили на производство водки. Почему учёное руководство посёлка не смогло обнаружить эту воду раньше водочников, чтобы не травить учёных, – это осталось загадкой.

Возле сумасшедшего дома в бывшем разбойничьем монастыре водочные короли стали сооружать себе дворцы – новые бандиты прибывались поближе к бандитам старым.

Удивительно, но на сей раз Беридзе против инородного тела в своей вотчине не возражал. Напротив, он быстро встроился в толпу прислуги водочных боссов, продал им принадлежавшие институту земли на окраине Грязнухи – здесь учёные, спасаясь от нищеты, выращивали картошку. Но их согласия никто не спросил, огороды снесли бульдозером. Не возражал Беридзе и когда водочные короли принялись приватизировать земли посёлка.

– Все магазины скупил водочная мафия, – жаловалась Элла – сотрудница Сашка, – цены поднялись...

– Мафия по крайней мере водку производит, – сердито возразила Ольга, – и лимонад. А что производила мафия Беридзе? Разве что бесплатные научные кадры для Израиля... Все научные проекты Беридзе кончились ничем!

Элла оглянулась испуганно – не слышит ли кто? И хотя в коридоре было пусто, произнесла на всякий случай громко, внятно:

– Беридзе много сделал для посёлка...

Перед выборами нового мэра Грязнухи Беридзе предложил избрать не своего подручного, обычно сидевшего на этом месте, а директора водочного завода. А Лёша Дулин, пока водочники строили свои офисы, оборудовал кабинет для будущего мэра в своём институте. В Грязнуху приехал бойкий молодой журналист из Москвы. Он быстро разобрался, с кем имеет дело и, не стесняясь, стал хвастаться перед безропотным грязнухинским народом: – Конечно, водочный барон – бандит, но я сделаю его белым и пушистым. На это я мастер! Ну и гонорар мне положили подходящий... – И он звонко смеялся.

– Водочное производство пожирает Академию Наук! – возмущённо кричал на предвыборном митинге коммунист Солдатов, покрасневший от волнения, – а ведь они ещё собираются расширяться!

– Да не собираемся мы расширяться, – лениво произнёс представитель водочников – молодой самоуверенный.

– Наконец-то мы достучались до вашей совести! – воскликнул с трибуны Солдатов, – наконец-то вы вспомнили, что Грязнуха – это наука.

– Причём здесь наука? – пожал плечами клерк, – просто рынок водки перенасыщен.

Вдохновляемая призывами Беридзе Грязнуха дружно проголосовала за водочного директора. Только малая толика бунтарей вычеркнула из бюллетеней всех.

Народ потянулся к водочникам на службу, тут платили совсем другие деньги. Первыми покинули институты химии. За ними ушли механики. Неудавшийся научный сотрудник Гоша Мельников, оставив научную работу, стал начальником механической мастерской и, выбросив из неё научные заказы, начал делать для водочников вентиляционные короба, какие-то бочки...

Вскоре он стал ездить по посёлку на новенькой иномарке и хвастать, что купил дочери квартиру в Москве.

Рядом с заводом открыли ресторан с официантами в русских косоворотках. Сюда стали заезжать на шикарных иномарках шикарные компании, невиданные прежде в Грязнухе. Однажды на заседании Учёного Совета мальчик-тень Беридзе вдруг заявил, что Грязнухе не хватает гостиниц. А на вопрос, где взять помещения, ответил:

– Библиотека институту не нужна! Книг теперь никто не читает...

Мальчик, должно быть, руководствовался собственным опытом. Книги снесли в чулан, а в освободившихся светлых залах с видом на лес устроили мини-отель. Теперь шикарные компании стали подъезжать не только к ресторану, но и к бывшей библиотеке.

И в спорткомплексе Грязнухи произошли изменения: потеснив аборигенов, приходивших сюда поиграть в волейбол и теннис, заработала школа охранников. Учеников было много, вряд ли в столь многочисленной охране нуждался один алкогольный завод. Должно быть, водочный король готовил здесь кадры и для других своих нужд – он держал под рукой весь район. На улицах учёной Грязнухи появились совсем ненаучные лица, сильно напоминавшие бандитов из телевизионных сериалов.

Очередную скудную порцию денег, выданную Грязнухе из Академии Наук, Беридзе почему-то решил пустить на евроремонт института. Ремонтировали выборочно: кабинеты дирекции, туалеты... В вестибюле сделали мраморный пол, бассейн с рыбками, клетки с попугаями, цветник... Наивные радовались уюту и восхваляли Беридзе. Немногие уцелевшие умники замечали – ремонт не затрагивает лабораторий, там не появилось не только новых приборов, но даже новых стульев. В институте у Дулина ремонтировали так же – кабинеты, туалеты, вестибюль...

– К сдаче готовят Академию наук, – всё больше мрачнел Сашок, – за бюджетные деньги отремонтируют, а потом за бесценок в нужные руки отдадут – механика известная. Тем же водочникам и отдадут...

А Антон весело смеялся:

– Чует Беридзе, что его скоро спустят в сортир, вот и устраивает, чтобы красивше было лететь.

Он неожиданно появился, этот Антон. Знала его Ольга давно. Но знала только, что он химик и пишет стихи. Сначала стихи были весёлые, для новогодних капустников, но потом они становились всё злее. Их перестали печатать в местной газете. Говорили, по личному распоряжению Беридзе. Антон был замечательный изобретатель. Но на заседания Учёного Совета, где вручали авторские свидетельства, не ходил, объясняя:

– Пачкаться не хочу. Свидетельства сам Беридзе вручает, ручку пожимает...

Антон не любил Беридзе, звал его то Отберидзе, то Чёртпоберидзе.

– Он – корень зла. Он в Грязнуху всю дрянь стащил. Мафия тут. Банда. Для того, чтобы тараканы развелись, нужно две особи. Для мафии достаточно одного – Беридзе.

Антон вообще не хотел играть по правилам Академии Наук, Может, потому и не стал доктором наук. После Ольгиной войны с Липманом Антон сам пришёл к ней:

– Извини, я думал, ты с ними заодно, раз докторскую тебе дали защитить...

Когда на Грязнуху обрушилась демократия, Антон и Ольга и вовсе подружились.

– Ты говоришь то, что я в стихах пишу, – улыбался Антон и становился серьёзным: – С гордостью могу сказать, что когда этот паршивый Сорос давал всем по пятьсот долларов за то, чтобы послать в ЦРУ свои результаты, я никаких данных не посылал! Меня все за дурака считали: за просто так чего денег не взять? А я отвечал, что мне, сыну солдата, погибшего на организованной ими войне, не к лицу брать их подачки. И на институтский конкурс я своих работ никогда не подавал. Понимал, что не конкурс это, а междусобойчик. Меня на Учёных Советах Беридзе всегда ругал: «Ваши работы не подходят института по профилю!» Но я-то понимал, что не работы, а я им по профилю не подхожу!

– Вечно вы всем недовольны, – журил Ольгу и Антона сотрудник Липмана Вадик Бельштейн. Они втроём шли по посёлку. – И что плохого в том, что у нас в посёлке своя водка появилась? Хорошая, между прочим, водка! Всем нравится. Я на международную конференцию с собой пару бутылок брал. Пригодилось. Конференция была на курорте в Италии. Всем охота на пляж, в зал заседаний никого не заманишь. Только возле моего доклада народ толпился, потому что я рядом со своим постером поставил бутылочку грязнухинской и

пластиковые стаканчики. Это моё ноу-хау! Лучший способ заинтересовать народ научными результатами. Работает безотказно! – и он подмигнул Ольге.

– Науку водкой спасаешь? Хороший способ. Запатентуй! – зло усмехнулся Антон, – А то наука на ладан дышит.

– Никуда она не дышит! – яростно воскликнул Вадик, – У нас всё хорошо! Просто прекрасно! Это вы всё ноете.

Они шли мимо надписи у въезда в посёлок: «Наукоград Грязнуха».

– Менять надо название, – хмыкнул Антон, – теперь мы – водкоград.

Вадик посмотрел на него с ненавистью.

– И это пора снять, – не обращая внимания на косой взгляд Вадика, Ольга показала на крышу Дома Учёных. Там висел большой плакат: «Грязнухин интеллект – богатство наше! Во всей России нет наукограда краше!» Старый щит вылинял и покоробился, но это было неважно – на него всё равно никто не обращал внимания. Зато по телевизору по всем каналам гремела реклама: «Чистейшая водка из Грязнухи!» О такой всенародной славе академгородок и мечтать не смел.

ЕСЛИ ОТЦЫ ЛГУТ...

А в общем Грязнуха жила неплохо. В девять утра бодро шагала по лесной дорожке на работу, дыша свежим утренним воздухом, в двенадцать тем же маршрутом отправлялась на обед. Похлебав супчику, укладывалась подремать, а в два свеженькая снова маршировала в институты, чтобы в шесть дружно отправиться по домам. Получалось два часа в день лесных прогулок плюс послеобеденный сон. И рабочий день проходил ненагружено – в привычном общении с привычными сотрудниками, за десятилетия ставшими почти родственниками. В десять утра и в четыре пополудни полагался лабораторное чаепитие, где можно было обсудить грязнухинские сплетни, побеседовать о садоводстве, о любви... О работе говорить не полагалось. Да и времени для этой самой работы почти не оставалось, так что поковыряться немного в старом приборе, появившемся в далёкие годы молодости, а потому пробуждавшем ностальгические воспоминания, было даже приятно.

На жизнь хватало и скудной зарплаты: одежда, не знающая ни давки в транспорте, ни рьяной работы, почти не изнашивалась, не пачкалась, не рвалась. Картошка и овощи-фрукты выращивались на даче. Так что деньги нужны были только на хлеб да соль – грязнухинцы привыкли жить в нищете. В советские годы они использовали длинные научные отпуска, чтобы отправиться на заработки.

– В Магадане, на Колыме полно памятников мне, – смеялся Сашок, – не сосчитать канализационных колодцев с моими отпечатками пальцев! Зато квартиру обставил...

У каждого старого грязнухинца была хорошая мебель, купленная ещё в Советском Союзе по разнарядке профкома и отличная квартира с окнами на лес – в восьмидесятых годах жилья в посёлке строилось так много, что новосёл мог закапризничать даже из-за пустяка.

– Не хочу обои в цветочек! Хочу в горшочек! – шутили в новогодних капустниках тех времён.

Теперь грязнухинцам оставалось лишь поддерживать своё добро в хорошем состоянии. Отдохнув на работе, в выходные они в охотку трудились, обихаживая свои жилища. За десятилетия грязнухинцы привыкли жить так: без напряжения, без усилий. И пуще всего они боялись этой жизни лишиться. «Придётся ездить в Москву!» – это звучало грозным приговором и означало конец всему: покою, прогулкам по лесу, послеобеденному сну... Теперь то, чего так боялись отцы, рухнуло на головы их детей – для них в Грязнухе не было ничего: ни работы, ни жилья, ни будущего... Они не могли трудиться в институтах за нищенскую зарплату, им надо было обзаводиться домом, семьёй, детьми... Они вынуждены были уезжать из Грязнухи, чтобы учиться, работать, зарабатывать... Кто-то уехал за границу, остальные потянулись в Москву. Автобусы уходили переполненными.

Узкое шоссе, единственная «дорога жизни», соединявшая Грязнуху с Большой землёй – с Москвой, по утрам и вечерам превращалось в сплошную мёртвую пробку. Пятьдесят километров дороги, которые отцы преодолевали за час, у детей отнимали два, а то и три часа. Шесть часов в автобусе плюс час-полтора в метро – это стало ежедневной нормой жизни Грязнухи молодой – усталой, невыспавшейся, бледной...

– Всё было бы хорошо, если бы не дети! – сетовала секретарша Беридзе Аня, – время теперь такое замечательное – каждый, кто хочет, может заработать, стать богатым. И купить можно всё...

Красавица Аня стала ещё красивее – шикарная женщина за рулём шикарного автомобиля. В пятьдесят лет ей и сорок не давали. Аня открыла в Грязнухе своё туристическое агентство. И помещение ей дали прекрасное, в новой гостинице – недаром Аня тридцать лет отслужила Беридзе. Аня возила грязнухинскую знать отдыхать – в Испанию, на Кипр... У знати откуда-то были деньги, хотя научные сотрудники жили впроголодь.

– Невестка просто помешалась на деньгах! – Аня исповедовалась искренне, как принято в деревне.

Сыну Ани не повезло, его жена ушла к другому, более богатому. Но и богач не справлялся с запросами дамочки: кроме алиментов она потребовала, чтобы брошенный муж платил ей ежемесячно кругленькую сумму в долларах, чтобы возить сына в школу на такси. Ну и на другие мелкие нужды. Если плата задерживалась, дама не позволяла отцу видеть мальчика. Бабушка же от внука и вовсе была отлучена – её нищие подарки не могли оплатить ей право видеть ребёнка.

– Сын на стройку пошёл работать, строит дома богатым, иначе денег на выплаты жене не хватает, – со слезами жаловалась Аня, – а ведь он такой талантливый архитектор был ...

– Отличное теперь время, – ликовала Элла, – я уже заработала денег на машину! И дети устроены. Дочь организует праздники, свадьбы, корпоративные вечеринки, сын – охранник. А раньше Элла хвасталась, что дала детям хорошее образование: сын стал инженером, дочь – учителем. Теперь предметом её гордости были их высокие заработки. Но однажды Ольга застала её в лаборатории в слезах.

– Сын спивается от того, что целыми днями сидит на стуле без дела. Его бросила жена...

Дочку, приближающуюся к сорока годам, грозились выгнать с работы – для массовика-затейника требовалось молоденькое личико и молодой задор.

– У детей всё плохо, – вздыхал Митя Данченко, – сын бросил институт.

– Что толку учиться, чтобы потом быть нищими как вы, – объяснил он родителям и устроился работать на телевидение – в самое логово лжи. И отлично там прижился, может потому, что с самого детства видел, как лгут родители.

Другого сына, окончившего институт, Дима пристроил в аспирантуру к Беридзе.

– У него самая богатая лаборатория в посёлке. Он своим приплачивает. Конечно, на это всё равно жить нельзя, да и кому теперь нужна электронная микроскопия? Эта аспирантура так только, чтобы время тянуть, может, изменится что... – рано поседевший и постаревший Дима смотрел на Ольгу сердито. Борьбу он не одобрял. И не задавал себе вопроса – откуда взяться изменениям, если Грязнуха лежит как мёртвая у Беридзе под пятой?

– Нам спокойнее, что он в Грязнухе работает, дома живёт, а то старший такие деньги за квартиру в Москве платит! – уныло вздыхал Дима, – вот только ночами всё сидит у компьютера, по порносайтам бродит. Девушки у него нет. А где её взять в Грязнухе? Уехали все...

И сын Сашка ездил в Москву.

– А как ему на грязнухинскую зарплату прокормить двоих детей? – закипал Сашок и признавался: – сын снимает квартиру в Грязнухе, а у нас аренда стоит почти как в Москве, половина заработка уходит на жильё, на дорогу ещё четверть. Проезд всё время дорожает. Живут они чуть ли не впроголодь...

Все остатки своего нищего заработка Сашок отдавал, чтобы прокормить внуков. Да что он мог отдать?

– И как они дальше будут жить – не представляю, – горевал Сашок. – В Грязнухе перестали строить новые дома. За десять лет только один подняли – маленький, элитный, страшно дорогой. Заработать такие деньги невозможно, разве что украсть. Так красть мы не умеем... – Сашок смущённо улыбнулся. Словно о своём неумении сожалел.

И всё-таки это была ещё не беда. Настоящее горе пришло к тем, чьи дети бросились в «капитализм». Сын Ларисы, удачный бизнесмен, совсем потерял голову от дурных денег – запил, загулял и быстро погуб, разбился, когда пьяным вёл машину. Сына механика Игоря заживо сожгли в его пивном ларьке конкуренты из соседнего магазинчика.

Сын Эдика Ковальчука развернулся вовсю – он торговал лекарствами, славился умением ладить с высокими чинами, купил огромную квартиру в Грязнухе и чёрный «Мерседес»... Но вскоре выяснилось, что вместе с отцовскими талантами он унаследовал и его болезнь, развившуюся к тридцати годам в тяжёлую старческую форму. Парень потратил большие деньги, чтобы сделать за границей операцию на сердце, но ходить стал медленно, с одышкой, и работать как прежде уже не мог.

Не повезло и дочке Дулина, её вместе с тремя детьми бросил муж, прихватив с собой пару десятков тысяч долларов, одолженных у Лёши. Лёша нудно жаловался Ольге, как обокрал его зять, не соображая, что сумму называть не стоило – научный сотрудник мог собрать такие деньги лет за десять. Если бросит пить и есть. Дочь уехала в Москву, пошла торговать памперсами. А бывало, Маша Дулина на всю Грязнуху хвасталась, что дочь окончила самый престижный факультет самого престижного университета... Теперь Маша объясняла деловито: – В Грязнухе на детей не заработать...

Осиротевших внуков тянули дед с бабкой. Лёша купил дочери квартиру в Москве. И опять назвал Ольге сумму, в которую покупка ему обошлась. Ольга ахнула, а Лёша опять не понял – сумму называть не стоило.

Сын красавицы Дашеньки уехал в Америку, там женился, завёл детей, Но внуков ни Дашенька, ни её муж не видели – сын в Россию не приезжал и в гости к себе не приглашал.

– Квартира у него маленькая, – оправдывала сына Дашенька, – вот если бы мы продали свою квартиру в Грязнухе и купили ему дом, как он просил, тогда...

На вопрос, куда деваться пожилой паре, лишившейся квартиры, Дашенька не отвечала, только вздыхала. А однажды призналась, что сын не звонил им больше года, что он сменил квартиру и ни нового адреса, ни телефона родителям не дал.

И сын Гоши Мельникова уехал куда-то, кажется в Канаду, и канул там бесследно, о родителях забыв...

И сын Вани Зверькова – хороший физик, как отец, уехал работать в Германию. И хоть писал, звонил и даже заезжал, но задерживался в Грязнухе недолго – на день-два.

– Он бы и в Грязнухе работал, – тихо признавался Ваня, – за деньгами он не гонится. Да не задалось у него тут. Ещё в пятом классе, когда мы только что приехали в Грязнуху, он как-то пришёл из школы с распухшими пальцами. И объяснил, что какой-то мальчишка пристал, стал спрашивать, кто его отец? И хвастался, что его отец тут самый главный. Ну, мой сказал, что и его отец неплох. А тот драться полез, но оказался слабаком, мой побил его. Обидчик оказался сыном Беридзе. С тех пор у моего парня тут не задалось...

А у Веры Харченко, сделавшей когда-то работу, принесшую Беридзе славу, сын погиб в Чечне. Растила его Вера одна, без мужа, и был сын для неё единственным светом в окошке. Получив похоронку, Вера слегла с инфарктом, а, выписавшись из больницы, стала ходить в новую часовенку, выстроенную в Грязнухе ради всеобщей моды на религию. Сгорбленная, седая, она медленно брела по посёлку со старой сумкой, в которой всегда лежало одно и то же – батон и пакет молока. На другое у Веры не хватало денег – едва исполнился ей пенсионный возраст, Беридзе уволил её из института, хотя не принято было такое в Грязнухе, поскольку некому было работать кроме стариков. Но даже теперь, всё потеряв, при имени Беридзе Вера оживлялась, вспыхивала и торопливо принималась его хвалить:

– Это такой блестящий человек! Такой талантливый!

Если отцы лгут, то дети гибнут. Думала ли об этом Грязнуха? Понимала ли, что платила самым дорогим за то, что плыла по течению как щепка, не противясь злу. Вряд ли. Учёная Грязнуха разучились думать...

ЖИЛ В ЛЕСУ, МОЛИЛСЯ КОЛЕСУ

Было десять часов утра. Ольга шла по пустому институту. В лабораториях не было ни души. Гоша Мельников уехал с приятелем в баню в соседнюю деревню, по будням там давали скидку. Элла ушла делать клиентке массаж. По пустынному коридору брёл пожилой научный сотрудник. Он шаркал ногами, как старик, – бледный, сгорбленный, в бесформенной кофте, в самодельной рубашке и нелепых брюках. Вся Грязнуха одевалась так – борясь с безденежьем научные сотрудницы сами стряпали одежду как могли. А их мужья, махнув на себя рукой,

стали выглядеть как бомжи. Только дамы из бухгалтерии ходили холёные, нарядные. Они обслуживали назвавшиеся теперь частными предприятиями бывшую механичку, типографию, стеклодувку... И со всех брали плату. Получали они куда больше профессоров и смотрели на обнищавших «научников» с нескрываемым презрением.

– Выживаем, как можем, – смущённо улыбалась подруга Лариса, – всю одежду шью сама, даже пальто, ткань в деревне покупаю, там обрезки продают дёшево... А от жизни я совсем отстала... Книг, журналов не покупаю, даже на газеты денег не хватает... Я и телевизор включаю редко, экономлю электроэнергию, спать пораньше ложусь. Даже не знаю, что где происходит. А зачем мне знать? Только расстраиваться. Сделать-то я всё равно ничего не могу. Лучше уж я буду своё здоровье беречь. – Лицо у Ларисы было свежее, румяное, только глаза стали какими-то странными, остановившимися, стеклянными. – А, в общем, мы хорошо живём. Ты бы сходила, посмотрела, какие красивые коттеджи наше начальство понастроило! Я часто туда хожу, люблюсь.

– Я попозже туда приду. С прокурором, – пообещала Ольга.

Лариса вскинула голову удивлённо, жалобно хихикнула:

– Да ты что! Они так укоренились! – Разговор с Ольгой явно тяготил Ларису. – Спешу я, химики обещали мне семена помидоров. Говорят, хорошие. Скоро дачный сезон...

Митя Данченко пробежал по коридору, бросил на ходу:

– Некогда мне, иду в механичку лопату точить, Гоша обещал станок бесплатно дать по старой дружбе. А после обеда поеду в питомник за саженцами...

Грязнуха быстро превращалась в деревню. Возвращалась к тому, чем занимались в этих местах всегда, к сельскому хозяйству. Наука отшелушивалась от академгородка легко и быстро как тоненькая поверхностная корочка. И травмы стали сельскими: Митя Данченко отхватил палец пилой, Сашок повредил ногу газонокосилкой...

– На работе ты никого не найдёшь. Даже теперь, в марте. А весной вообще все уедут на огороды. И я давно не работаю, отвык, – улыбался Сашок. – А как работать? Расходные материалы надо на свои деньги покупать. А откуда у нас деньги? Приборы все сломаны, запчастей нет, в механичке делают заказы только тем, кто имеет грант. У меня его нет. – Он крутил ручку прибора, натянув шерстяные перчатки и улыбался: – Иначе пальцы примерзают. Институт почти не отапливают, дирекция деньги экономит...

В лаборатории у электронщиков за чаем горячо спорили, останется ли директором мальчик-тень Беридзе.

– Да какая разница кто возглавит этот дом престарелых? Эту покойницкую? – не выдержала Ольга. Её не поняли.

За чаем у физиков вспоминали вчерашнее празднование юбилея Ландау. По этому поводу в институт приехал из Москвы друг Беридзе академик Персиков. Знаменитый в академических кругах своими многочисленными романами Персиков и на Учёном Совете остался верен любимой теме – он рассказывал, как Ландау в санатории выходил на пляж, прицепив на плавки звезду Героя труда, чтобы произвести впечатление на женскую обслугу, особенно он любил буфетчиц. Народ морщился, но под пронзительным взглядом Беридзе уйти из зала не решался. Беридзе называл Ландау гением.

За чаем у химиков обсуждали празднование юбилея института. Дамы шили новые платья, собирались печь пироги...

– Что праздновать-то будем? – рассердилась Ольга, – в институте от советского времени треть осталась. Да и те старики.

Элла поморщилась:

– У тебя ничего светлого нет в жизни. Противно тебя слушать! Как ты живёшь? От твоих слов хочется повеситься...

Но выслушали Ольгу с интересом. Она рассказывала не только о событиях в Москве, но и о том, что делается в соседней лаборатории, за стенкой. Грязнухинцы не знали...

В вестибюле Ольга столкнулась с Витей Хохловым, он уезжал в Москву, вёз дочку на занятия конно-спортивной школы.

– Дважды в неделю вожу. Раньше на служебной машине ездили, теперь я не директор, езdim на автобусе. – И жаловался: – Я в общественном транспорте ездить не привык. Меня там всё время обворовывают, мобильник украли, кошелёк... – На прощание Витя улыбнулся: – Все

уезжают, и я тоже эмигрировал. Из страны в семью. Для меня теперь самое главное – мои дети и внуки. А остальное пусть пропадает пропадом...

– Как живёшь? – В неопрятном старичке в изношенной курточке Ольга едва узнала бывшего однокурсника Сергея Лузгина. Последнее время он редко появлялся в институте, скрывался дома.

– Много работаю, – пожала плечами Ольга.

– Много работать – это старческий маразм! – почему-то рассердился старичок и сообщил: – А твой конкурент процветает, – конечно, он имел в виду Липмана, своего друга.

– Он мне не конкурент, – спокойно ответила Ольга. – Я зарабатываю себе на жизнь работой, а он национальностью. А если его вдруг сделать русским, он умрёт с голоду.

– К счастью, он не русский, – Лузгин говорил со злостью и завистью. Хотя завидовать Липману ему не стоило. Ведь он был чуваш только по паспорту. – Липмана пригласили в Германию, его таланты оценили.

Сергей врал. Липмана в Германию никто не приглашал. Германия принимала евреев по программе «Покаяние». Для верности Марк с помощью друга из Одессы запасся справкой о репрессиях, которым он подвергся в ужасном Советском Союзе. В справке значилось, что Марк был схвачен милицией во время демонстрации протеста против коммунистического произвола. В то время Марк был членом КПСС и парторгом отдела в Грязнухе. Против какого произвола он протестовал – осталось тайной. Но Германия дала ему визу и все положенные политическому эмигранту льготы. Марк надувал не только науку, но и свою новую Родину. Немцев стоило пожалеть.

Лузгин был жалок. Вся Грязнуха знала: он женился на дочке академика – страшненькой, нелепой, в надежде, что тесть поможет ему стать академиком. Но тесть быстро умер, жертва оказалась напрасной. Сергей выглядел озлобленным, больным.

На заседании Учёного совета сидело человек двадцать. Вместо ста положенных. На трибуне стоял робкий молодой аспирантик – последний в институте. Наверное, он спасался тут от армии. Паренёк рассказывал что-то невнятное, никому не нужное. Но присутствующие, соскучившись без дела, вцепились в него с яростью, с жаром, копались в каких-то мелочах, ругались, спорили...

– Сколько можно рассказывать теории! – кричал Липман. – Когда же вы, наконец, реальный транзистор сделаете? Внедрите его в производство?

Институт сроду не доводил ни одну разработку до конца. Даже в лучшие времена. И Липман прекрасно знал. И сам он никогда даже близко не подходил к воротам завода. Но упустить возможность покуражиться над младшим по званию, да ещё русским, он не мог.

– Что же Вы молчите? – набросилась на докладчика Ольга, – Вы что, не знаете, что довести до производства теперь ничего невозможно? Что вся наша электронная промышленность разрушена, заводы стоят?

Ответом ей была единодушная буря возмущения:

– Здесь Вам не митинг! Обсуждать эти темы бессмысленно в нашей аудитории!

– В вашей аудитории бессмысленно обсуждать любые темы! – ответила Ольга и вышла из зала.

Жалкая кучка заседавших продолжила кричать и спорить, не понимая, что у мальчишки по их милости растёт теперь отвращение к науке, и что из института он сбежит, едва досидев до положенного возраста.

Сашок тоже ушёл с заседания Учёного Совета.

– Не знает у нас никто, что заводы закрылись. Откуда нам знать? Книжки, газеты, в которых правда, до нас не доходят. Их и в Москве трудно найти. А в Москву мы почти не ездим. Нет у нас дел в Москве. Да и денег на дорогу нет. На конференциях не бываем. Нет почти конференций, а если случаются, институт денег на поездку не даёт. А отпуск мы проводим на огородах, где слева и справа – всё те же люди, которых мы знаем десятки лет. И все они кроме института, дачи, сослуживцев не видят ничего... А я уже и не хочу из Грязнухи уезжать. В Москве толкотня, суета, дышать нечем. Болею я после Москвы. Я предпочитаю каждый день после работы на дачу ездить...

Антон тоже ушёл с заседания, догнал Ольгу в коридоре.

– Одрябли мы, деградировали от безделья, от лени, от нищеты... Квалификацию потеряли, силу сопротивляться... Вообще потеряли силу, как клеточные птицы, отвыкшие летать.

Они с Антоном шли в церковь. Там отпевали очередного умершего сотрудника.

– Единственное, что происходит у нас в Грязнухе, это смерти. – злился Антон. – По телевизору говорят, что у нас уменьшилось число людей, живущих за чертой бедности. Не сказали только, куда они деваются. Но мы-то знаем, куда. Вон как кладбище у нас разрастается! Даже при Ельцине не было такой убыли населения...

– А кто такой Ельцин? – тихо спросила Вера Харченко – неременная участница всех церковных служб.

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ

Надо было писать по статье в год – такова была норма. Иначе комиссия по аттестации могла просто выгнать с работы. Потерять теперь работу Ольга не могла, лабораторию мужа уже закрыли. И Ольга села писать статью. В общем, это было нетрудно – неопубликованного у неё накопились горы. Но надо было что-то доделать, проверить, выяснить... Но сделать этого было нельзя – не на чем, не с кем. Статья получилась жалкая. Когда Ольга увидела своё позорное изделие в журнале, ей захотелось журнал порвать. Сжечь.

Конечно, для аттестации сошла бы любая поделка. Аттестационная комиссия требовали количество, качество она не оценивала. Да и как могли оценить качество руководители комиссии – Девяткин, Дулин? Что они в качестве понимали? Но пачкать своё имя не хотелось.

Ольга попробовала давать уроки английского. Получилось. Но жить этим было нельзя, если не заниматься весь день, не оставляя сил на прочее. Ольга решила поискать работу за границей. Контракт нашёлся сразу, можно было даже выбирать. Её работы знали в мире и никого не остановил ни её возраст, переваливший за пятьдесят, ни женский пол. Ей предложили место профессора.

Это ударило в голову, как вино. После тоскливой Грязнухи – сверкающий красотою мир, после нищеты – полные карманы денег. Но отрезвление наступило быстро. Местные боссы смотрели на русского профессора, как на подручного – хозяевами положения были они. Ольга сменила три страны и нигде не встретила человека, который оказался бы в состоянии понять, что для него выгоднее дать ей свободу и, смилив спесь, поучиться у русской.

И ещё одно было страшно – комфорт растлевал. Ольга с ужасом заметила у себя признаки западной заразы – ей стал нравиться шопинг. Бермудский треугольник дом-работа-супермаркет затягивал похуже, чем грязнухинские болота.

– У тебя и за границей ничего не вышло! – язвительно встретил её Лёша Дулин. И стал рассказывать, как прекрасно устроились на Западе его бывшие сотрудники, какие роскошные купили дома...

Выхода не было. Ольга была в отчаянии. Но однажды, проходя мимо Исторического музея, она увидела книги, разложенные прямо на тротуаре и купила книгу о Менделееве. Творец Великой таблицы был государственным мужем, влиявшим на жизнь всей России. Вряд ли он стал бы кропать по статеечке в год. И Девяткин с Дулиным наверняка вышвырнули бы его из института. Но горевать он бы не стал. Не горевал же он, когда его не выбрали в русскую Академию Наук. В общем, Ольга была в неплохой компании. Она решила найти автора, тем более что в книге была ещё одна статья: «Миф об Эйнштейне». Ольга давно подозревала, что слава этого господин в расстёгнутых штанах не более чем миф.

Автор книжки оказался коллегой – профессором физики. Через год они вместе написали статью о разгроме русской науки. Статья разошлась по газетам и журналам, разлетелась по Интернету. В Интернете нашёл их социолог, который говорил замечательные слова: «мир спасёт солидарность». Он был опытный боец, Ольга училась у него. Вскоре к ним присоединился авиаконструктор, который дрался с теми, кто уничтожал русскую авиацию. Он спасал самолёты, как спасают собственных детей. Потом прямо с экрана телевизора пришла к ним красавица-биолог, которая защищала природу от учёных дураков. И чтобы достучаться до тупых и сонных показывала снятый в своей лаборатории фильм, где в страшных муках погибали крысы, съевшие то, что едят люди.

Оказалось, есть немало учёных, которые борются. Однажды на собрании на трибуну поднялась изящная маленькая женщина и заговорила о большом русском мире. Она говорила так, словно была уверена – ей по силам спасти его от разрушения, удержать в своих хрупких руках.

Их становилось всё больше и однажды они собрались вместе и назвали себя Комитетом спасения – науки, страны... Они работали в авральном режиме, понимая – времени у людей на земле осталось мало. Они писали статьи и книги о ситуации в науке, в стране, анализировали опасности и делали прогнозы. За экспертные оценки такого класса платили сотни тысяч долларов. Если заказчиками были власти. Но власти требовали от своих экспертов выгодную им ложь. Члены Комитета писали правду. За правду не платили ничего. За неё сажали в тюрьму.

– Вы – глупцы! Вы не понимаете, насколько опасна Ваша деятельность! – говорили трусливые и мелкие, в ужасе убегая от них, не понимая, что самое опасное занятие – молчать.

– Когда я Вас слушаю, у меня возникает единственное желание: уйти и поскорее забыть всё, что Вы говорили! Иначе я не смогу спать, – были и такие, кто хотел проспать всю жизнь, во сне и умереть. С ними оставались те, кто хотел жить.

К ним присоединился эколог, тревожно и заботливо говоривший о маленькой, хрупкой планете, уничтожаемой жадным человеком. А потом пришёл суровый человек, называвший ленивых разумом людей, охотно поддавшихся на телевизионный обман, биомассой. Это словечко «биомасса» хорошо подходило к большинству обитателей Грязнухи. Гораздо лучше, чем слово «учёный».

– Ну не все же у нас такие, – обижался за грязнухинцев Антон, – есть те, кто борется. Ты просто не знаешь их. Меня на последнем Учёном Совете трое поддержали! Открыто! Это при нашем-то рабстве!

Антон оказался прав – написанное им письмо в защиту учёного, брошенного в тюрьму, подписали тридцать человек. Но подписывали только те, кому нечего было терять – пенсионеры. Из работающих набрались смелости только двое – один химик, да сам Антон. Поставил свою подпись и Витя Хохлов. Он давно отошёл от политики, в которую ринулся было в начале девяностых, и плохо понимал, что там происходит, и пил, и мучился давлением... Но он был крупной личностью и съёжиться до грязнухинских размеров не умел.

– Но всё-таки трусов у нас полно, – сердился Антон. – Мы – резервация. Беридзевы надсмотрщики, русские рабы. Но, главное, рабы согласны быть рабами. Для грязнухинцев любой начальник – господин, а Беридзе – вообще Бог!

И всё-таки, что-то менялось в Грязнухе. Следующее письмо подписали уже шестьдесят человек. И Сашок собирал подписи, и Элла говорила Ольге радостно:

– Я помогала Антону, расклеивала листовки. Как партизанка!

– Я росту смелости рад, – говорил Антон.

Его понизили в должности, но он уже готовил новое письмо...

В ТЕСНОЙ КЛЕТКЕ

Ольга уезжала за границу и возвращалась, писала статьи и книги, выступала на митингах и в судах, знакомилась с замечательными людьми, которые становились членами Комитета или его друзьями. А потом возвращалась в Грязнуху и находила тех же людей на тех же стульях, ведущих всё те же беседы ни о чём... Время словно остановилось в Грязнухе. Волны жизни огибали её, не оставляя даже лёгкой ряби. Грязнухинское существование оставалось неподвижным, как вода в болоте. И понятия о бурях, которые бушевали в большом мире, грязнухинцы не имели. Грязнуха напоминала затонувшую подводную лодку, где экипаж вымирал, расходуя последние припасы, последние глотки кислорода...

Грязнухинские институты стремительно съеживались. Пока Витя Хохлов сидел директором, он умолял даже свою лаборантку, которая хотела уйти на пенсию нянчить внука:

– Можешь не ходить на работу, только числись и получай заплату – у нас нет людей!

Витя понимал, что каждый уходящий приближает конец. Лёша Дулин не понимал ничего.

– Из министерства науки пришёл приказ о сокращении! Мне спустили точную цифру подлежащих увольнению. Я должен исполнять приказ... Должен соответствовать... Я же директор!

Других обязанностей директора бедный Лёша не знал.

– Они же добиваются закрытия института. Борись, отстаивай! – пыталась объяснить ему Ольга.

– Ты всегда говоришь какие-то дикие вещи! – отмахивался Лёша, – к счастью, у меня уже уволились два сотрудника. И Ваня Зверьков обещал написать заявление по собственному желанию! – от удовольствия Лёша улыбнулся и даже слегка прихлопнул в ладоши. Директор академического института радовался, что от него уходят научные сотрудники! Уходят учёные, известные на весь мир как Ваня Зверьков. Оставшихся Лёша ненавидел. Кажется, он был бы счастлив, если уволятся все. Бедный Лёша нуждался в услугах психиатра.

– Дирекция никого не сокращает! – злился на Ольгу Коля Девяткин. – Люди увольняются сами. Можешь проверить в отделе кадров.

– Ты не хочешь больше работать? – спросила Ольга Ваню Зверькова.

Ваня посмотрел на неё удивлённо.

– Конечно, хочу. Я опыты новые начал. И деньги мне нужны, у меня младший сын ещё в институте учится.

– Тогда зачем же ты пишешь заявление?

Ваня смущённо потупился.

– Директор велел. Сказал, иначе у меня будут неприятности... Я склоки не люблю.

– Какие неприятности? – Ольга почти кричала, – что он может тебе сделать? Пенсию твою он не в состоянии убавить ни на рубль!

Ваня молча выслушал её, дописал прошение об увольнении и понёс в дирекцию.

– А как мы можем бороться? Кто мы такие? Конечно, мы копошимся у себя в лабораториях. Делаем, что привыкли. Кричим, что это важно. Но в глубине души мы все понимаем, что занимаемся ерундой. Никому не нужной, бесполезной ерундой... – горько жаловалась Лариса.

Ольга пробовала рассказать ей про эффект выученной беспомощности, когда крысу хорошо кормят, но держат в тесной клетке, пресекая любой её порыв освободиться, от чего крыса в конце концов погибает. Ольга говорила о тишайшем, всем угождавшем Учёном секретаре института, который покорностью заработал тяжелейшую болезнь сердца. Она пыталась убедить – стресс терпения опаснее для здоровья, чем стресс борьбы. А отсидеться всё равно не удастся...

Ольга говорила зря. Лариса тоже написала заявление. По собственному желанию. Грязнухинцы как дрессированные овечки сами шли на бойню. И местный поп отец Вениамин в каждой проповеди твердил о пользе смирения. Попа привёз в Грязнуху Беридзе. В миру попа звали Львом Абрамовичем.

Институт трясло от страха. Народ ждал, кого уволят, а кого помилуют – оставят в институте, чтобы получать зарплату и пить чай. Научный люд и без того несмелый, замер в ужасе, стал озираться от громкого Ольгиного разговора, стал бояться даже в руки брать привезённую из Москвы газету, книгу...

– Чего они боятся? – спрашивала себя Ольга.

И сама себе отвечала:

– Потерять последнюю миску баланды, отправиться умирать в пенсионной нищете.

Какую науку могли сотворить эти запуганные, задавленные люди? Увольняемые по собственному желанию падали в обмороки и в инфаркты. Но жалеть их стоило. Они – выпускники элитных институтов – сами позволили превратить себя в рабов и нищих.

Уволив почти четверть научных сотрудников, институт прибавил оставшимся зарплату. Армию обули в сапоги погибших. Армия не возражала. Но прибавка оказалась убогой. Доктор наук по зарплате не должен был вырваться выше уборщицы – за этим власти следили зорко.

А Липмана аттестовали с блеском, оставив в штате. Уехав в Германию, он продолжал числиться сотрудником института в России. На всякий случай. Комиссия аттестовала его заочно – по электронной почте он прислал фильм со своим выступлением. Хотя послание было адресовано в Россию, Марк рассказывал о своих научных достижениях на английском языке.

Но этот факт комиссию не оскорбил. Напротив, выслушали Марка с большим почтением, только что не стоя. И отметили, что Липман способствует продвижению отечественной науки на международный уровень.

НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Из Министерства пришёл новый приказ о сокращении. Бедный Лёша спал с лица, вцепился в Ольгу.

– Я хочу перевести тебя на полставки. Ты совсем не работаешь.

– Какая работа? – вспылила Ольга.

Лёша прекрасно знал, что работать невозможно, потому что оборудование от старости пришло в негодность, лаборанты, механики уволились.

– И платят мне меньше, чем уборщице. Профессор не должен работать за такую зарплату! Я разве что полы в твоём кабинете могу помыть!

– Издеваешься? – обиделся Лёша, – другие-то работают.

– Работают штрейкбрехеры, готовые копошиться за миску баланды. Они науку предают и не пускают в науку молодых.

Лёша понял только конец фразы, вздохнул.

– Да, молодых нет. И где их взять, не знаю...

Конечно, оборудование, зарплата – не главные причины, которые заставили Ольгу прекратить прежнюю работу. Главным было понимание: наука, та наука, в которой она работала всю жизнь, идёт в тупик, за частностями утратив смысл. Учёные превратились в кротов – каждый рыл свою нору поглубже. Близорукий крот не видел, что делается наверху. Обнять всю землю взором может только птица, взлетающая высоко. Над этим и работал Комитет спасения. Но объяснить это директору академического института было невозможно. Под словом «работа» он понимал изготовление статей, которые Лёша считал в штуках, не вникая в содержание. Не по силам ему было вникать. И академическое начальство не вникало. Занято оно было. Деньги в свои карманы складывало.

– Надо менять направление института, иначе мы не выживем, – говорила Ольга. Я могу тебе помочь..

Лёша сидел с полуприкрытыми глазами, словно спал. В кабинет вошёл Коля Девяткин и тоже набросился на неё.

– Почему ты не написала отчёт о работе? Не о чем писать? А мой отдел написал. Я вчера его в Москву отвёз. В Академии он получил высокую оценку. Это только ты говоришь: Академия не работает! Академия работает нормально. Это ты не делаешь ни черта. И совсем не приносишь в институт денег. Надо работать с промышленностью...

– С какой промышленностью? Электроника, к которой приписан институт, умерла уже пятнадцать лет как...

– Это только ты кричишь, что умерла! – рассвирепел Коля, – А мой отдел заключил договор с заводом, который делает электрические батарейки. Мы их усовершенствовали, наши батарейки стали долговечнее!

«Нашими» Коля называл батарейки американского завода, построенного в России, забыв, что его лаборатория создавалась ради разработки принципиально новых устройств для сверхмощных вычислительных машин.

– И вообще у нас всё прекрасно! – вмешался в разговор Лёша. Он сильно нервничал. А Ольга понимала, что под словом «прекрасно» Лёша имел в виду свои доходы, сказочно огромные для скромного провинциала и бывшего лабораторного отшельника. Должно быть, именно эти доходы, свалившиеся на бедного Лёшу вдруг, неожиданно и безо всяких усилий с его стороны и помutilи его рассудок, излишне перенапряжённый в молодости математическими формулами.

– Мы – учёные! – кричал Лёша. – Мы занимаемся своим делом – наукой!

– Мы не лезем в политику, как ты. Политика – грязное дело, – нравоучительно заметил Коля.

– Наука, как выясняется, тоже, – не смутилась Ольга, – только деньги здесь крутятся поменьше. Вся и разница.

Коля странно хрюкнул, глянул на Ольгу с опаской – понял намёк на дворец с сауной и прочие результаты его занятий наукой. Он быстро вышел из кабинета, спасаясь бегством.

А Лёша был очень зол:

– Доиграешься ты! И твои русские патриоты, которые доламывают страну!

Надо полагать, спасителями страны оскудевший разумом Лёша считал тех, кто разрушил всю Россию, оставив только две дырки в земле, из которых вытекали нефть и газ...

Через пару дней Лёша снова вызвал Ольгу, приказал сурово:

– Не хочешь писать заявление о переводе на полставки, пиши заявление об увольнении по собственному желанию.

– Я не буду писать никаких заявлений! – ответила Ольга. – С какой стати? Академия наук существует для таких, как я. Три моих книги хранятся в Ленинской библиотеке...

– А у меня нет ни одной, но я тебя выгоню! – взвизгнул Лёша. И, словно опомнившись, промолвил умоляюще: – Пойми, я обязан тебя уволить, на меня же давят!

Давить на бедного Лёшу мог кто угодно: Девяткин, жаждущий выполнить приказ министерства, само министерство, жена Маша, считавшая Ольгу опасной, Беридзе не простивший Ольге Липмана...

– А может, ты сам напишешь заявление об уходе и уступишь место директора мне? – вспылила Ольга. – Я не стану исполнять приказы, которые убивают институт.

Лицо Лёши стало багровым.

– Ты меня измучила! Ты доведёшь меня до инфаркта! Если не станешь писать заявление по собственному желанию, я уволю тебя по статье.

– Увольняй! – спокойно сказала Ольга. – Это будет весьма логичным концом моей карьеры в Грязнухе. Это почётно – быть изгнанным из такой Академии Наук!

Лёша посмотрел на Ольгу, как на привидение.

– Какая дикая у тебя реакция!

Он рухнул в кресло и полез в карман за лекарством.

Ольге перестали платить зарплату.

– За что тебе платить? Ты же не работаешь! – язвительно улыбался Лёша. – И на работу не ходишь...

У Ольги было слишком мало времени, чтобы тратить его на поездки в Грязнуху, где можно было делать только одно – пить чай.

Денег не платили, но и не увольняли. Ольга потребовала объяснений у Лёши.

– Почему?

– Мне жалко тебя увольнять, – Лёша странно улыбнулся.

Ольге пришлось сильно надавить на Лёшу, чтобы он в конце концов издал приказ об увольнении.

– Ты не имел права удерживать мою зарплату, ты нарушил закон, – сурово говорила Ольга. А Лёша суетливо совал ей какую-то скомканную бумажку с небрежными цифрами:

– Здесь суммы прибавок... Посмотри, как мало доплачивают директору!

Лёша признавался, что её деньги пошли в карман дирекции. Сам Лёша вряд ли смог такое придумать такое. Наверное, ему помог Девяткин – большой мастер по части финансовых схем.

– Ты не подашь на меня в суд? – заискивающе улыбался Лёша, – не подашь?

Он стал банальным вором.

Ольгу уволили по статье – за нарушение трудовой дисциплины. В общем-то логика в этом была. Длинный список цитирования её работ, новая книга, изданная в Париже... Такого не было ни у кого в институте, и, кажется, во всей Грязнухе. В определённом смысле это можно было рассматривать как нарушение трудовой дисциплины.

Ольга вспомнила, как принимал её ректор Сорбонны, каким красивым выглядел Париж из окон её квартиры на больших Бульварах... Вспомнила, как президент крупной японской фирмы оплатил её полёт из Москвы в Токио в бизнес-классе. Вспомнила дом, который она снимала в Мексике, лимонный сад под окнами, голубой бассейн... И слова директора института, провожавшего её домой, в Россию:

– Помните, здесь Ваша вторая Родина. Мы всегда будем Вас ждать...

Может быть, ей не стоило уезжать? А может быть, стоило давно бросить Грязнуху и уйти работать в другой институт? Но куда? В каждом был свой Беридзе, свой Липман... И не только в России, по всему миру. Грязнуха не была заповедником зла.

Ольга вошла в общую комнату – она так и просидела в ней тридцать пять лет. Включила старенький компьютер. Посмотрела свою электронную почту...

Коллеги из Японии просили её взять в свои руки организацию русско-японского семинара, поскольку уважаемый господин директор продвигает дело недостаточно быстро. Распутав извилистые нити японской вежливости, Ольга поняла, Дулин вычеркнув её из организаторов семинара, сам не сделал ничего. Связь с Японией, которую Ольга выстраивала долго и тщательно, оборвалась.

Коллеги из Англии предлагали подписаться на научные журналы с большой скидкой. Жаловались, что падают тиражи, что журналы на грани закрытия. И это было логично: статьи ради отчётов изготавливались по всему миру. Россия позже других переняла эту дурную западную моду – считать работы в штуках. А кто же станет платить деньги за бессмысленный информационный мусор?

Коллега из Соединённых Штатов, который всегда являлся на международные конференции в еврейской шапочке, приглашал в Бостон. Обещал оплатить расходы, лишь бы Ольга приехала

– Пожалуйста, приезжайте на конференцию! Мы не можем набрать даже минимальное число участников!

Его письмо кончалось истерически:

– Покажем, что мы ещё существуем! Докажем, что наука ещё жива!

Ольга ответила отказом. Липману всегда давали часовой доклад. Ей никогда не давали раскрыть рта. А кому нужна наука, в которой важно только одно – иметь фамилию Липман?

Уходя Ольга встретила секретаршу Беридзе.

– С каким позором вас выгнали! – укоризненно покачала головой Аня. – Но Вы сами виноваты, неправильно себя вели.

Эта бессмысленная тётка считала себя вправе так разговаривать с профессором, чьи труды знали в десятке стран. В вывихнутой грязнухинской иерархии прислуга Беридзе стояла куда выше любого профессора.

– На покой Вас отправили? – толстая нарядная дама из бухгалтерии вальяжно улыбнулась. – Это хорошо. Появится много свободного времени. Можно вязать. Вязанием больше денег зарабатывают, чем наукой.

Бедная женщина совершенно искренне считала себя победительницей, Ольгу – проигравшей.

– На пенсию не проживёшь, – вздохнула Элла. – Может, ты какую-нибудь подработку себе найдёшь? Вон Ваня Зверьков пошёл преподавать в техникуме, а один кандидат наук из химиков устроился на рынке колготками торговать. Я купила две пары, чтобы его поддержать. Хорошие колготки...

Ольга вспомнила: её западные коллеги в конце карьеры получали звание «заслуженный профессор» и большую пенсию. Они могли спокойно жить, путешествовать. Русскому профессору полагалась меньшая пенсия, чем уборщице. Потому что институт и аспирантура не засчитывались в трудовой стаж.

– Мы так тебе сочувствуем, – сказал Сашок.

Хотя сочувствовать стоило тем, кто оставался в Грязнухе. А у Ольги появлялся шанс спастись. Оторваться от рассыпающейся конструкции под названием «Академия Наук» и не погибнуть под обломками.

– Не обижайся на них, – говорил Антон, – они ничего не понимают. Грязнуха – это не только болото, но ещё и информационная яма. Мы живём в искусственном мире, где истинная цена вещей сильно искажена. У нас все ценности внутреннего употребления. Оценки, которые циркулируют в Грязнухе, во внешнем мире просто смешны...

Антон рассказывал Ольге новости. Колю Девяткина избрали членом-корреспондентом Академии Наук, хотя наукой он не занимался никогда. Но вопросов у академиков это не вызвало. Они и сами были такие же. Беридзе написал статью о том, что России наука не нужна. Статью напечатали за границей, Беридзе пригласили в Америку читать лекции. Должно быть, тема лекций была: «Как я уничтожил науку в России». А президент страны наградил

президента Академии Наук медалькой. За успешное уничтожение науки. Окончательное – так надеялись власти...

ПТИЦЫ

Дворника звали Володей. Вообще-то он был слесарем высокого разряда, но на грязнухинском заводе закрывали целые цеха – научное оборудование никто не покупал. Володю уволили, он устроился дворником и, размахивая метлой, стал целыми днями слушать по радио новости и передачи о политике – маленький приёмничек всегда лежал у него в кармане. А вечерами он штудировал Библию, Коран, индийские и русские веды...

– Я думаю, наука должна быть вместе с религией – ведать природу и помогать ей жить. А сегодня наука делает смерть. Природу убивает как дурная раковая клетка. И люди болеют, потому что головы у них враньём отравлены, а желудки – химической колбасой...

Поговорив однажды с Володей, Ольга стала беседовать с ним часто – он понимал жизнь лучше учёных с научными званиями. Главное, он хотел её понять.

– Зачем тебе знать, как устроен мир? – ругала его жена, – лучше бы думал, как самому в этом мире устроиться!

Но Володя не обращал на неё внимания.

Ольга пришла к Володе проститься. Они втроем сидели на скамейке под соснами возле грязнухинского озера – Володя, Ольга и Антон. На земле валялась шелуха от семечек и голуби склёвывали её, теснясь у самых ног людей. И вдруг Ольга заметила: голуби прекратили свою суету, присели, застыв, полуприкрыв глаза. Повернув головы в сторону Володи, они словно слушали, что он говорит.

– Вот птицы, – Володя указал на голубей, – они ведь тоже живые, они правильно живут, с природой вместе, а мы их изводим. С чего мы решили, что мы на земле главные? В Грязнухе синички почти исчезли, и соловьи, и ласточки. И утки на озере уже не живут. Зато расплодилось вороны, падальщики. И чайки появились, их раньше не было в этих местах. Потому что вместо болот озёр нарыли. Болота осушили – лес стал погибать. Торфяные пожары стали загораться каждый год. И пожарным всё труднее их тушить. А если однажды они не справятся? Уехать из Грязнухи можно только по одной дороге. Она узкая. Сколько времени надо, что эвакуировать по этой ниточке посёлок? Об этом никто не думает. Выходит, у учёных нет головы?

Володя был прав. В головах учёных был беспорядок. Потому что жили люди в перевёрнутом мире, где мыслители мели улицы, а те, кому не стоило доверять и уборку мусора, управляли наукой, страной, миром... Потому мир и погибал. О гибнущих деревьях, птицах говорил только дворник. Учёные произносили совсем другие слова: диссертация, зарплата, грант...

– От того, что болота вокруг посёлка осушили, стал сохнуть лес, – согласился Антон. – Не только здесь, но и в округе. К тому же и вырубают лес нещадно. Исчезла знаменитая грязнухинская клюква, брусника, черника, ландыши... Грибы пропадают прямо на глазах. Раньше в здешних местах их брали ведрами, теперь корзинку не наберёшь. В общем, лес извели, остался один «беридзняк».

Посёлок был торжественно украшен. Праздновали пятидесятилетний юбилей грязнухинского научного центра. По местному радио гремела торжественная речь Беридзе.

– Грязнуха превратилась в комфортабельное, прекрасное место для жизни! – шумно хвастался он. – Зимой мы прокладываем освещённые лыжные трассы. Для удобства наших жителей, которые ходят в институты пешком, мы построили в лесу бетонные дорожки, поставили вдоль них фонари...

Особенно пострадал лес вдоль этих дорожек. Бетон был усыпан сухими ветками и жёлтой мёртвой хвоей. Больные сосны жалобно скрипели на ветру, и одна за другой падали, тяжело ухая. Грязнухинцы стали ходить озираясь.

Ольга и Антон не особенно прислушивались к тому, что говорил Беридзе. Они спешили. Их ждала большая работа. Им предстояло отыскать среди тысяч сдавшихся редких уцелевших. И вместе с ними построить новую науку, которая будет спасать чернику, деревья, птиц...